

СТАЛКЕР

Олег Кинчин

ЧЕРТОГ КРАСНОГО

БОГА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Кинчин

Сталкер. Чертог красного бога

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кинчин О.

Сталкер. Чертог красного бога / О. Кинчин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Чернобыльская зона отчуждения стремительно меняется после второго взрыва, именуемого выбросом. Главный герой после неудачи в бизнесе принимает спонтанное предложение от давнего друга попробовать набирающий популярность в узких кругах способ получения прибыли - отправиться в зону отчуждения за диковинными порождениями. В обозначенном месте Никита находит пустую палатку. Второе место встречи лежит уже за чертой периметра. Телефон Леонида отключен, и Никита принимает решение добраться до товарища засветло. Но в точке сбора вместо проводника и Леонида Никита обнаруживает следы стрельбы и кепку приятеля. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Чертог красного Бога.

Глава 1.

Ряска. Холодная, болотная жижа.

Сразу вспомнил сцену из советского фильма “А зори здесь тихие”, как тонула Лиза Бричкина.

Неподдельный ужас для пятилетнего ребенка, и видимо, сейчас все так и случится.

Тина от дружеских объятий перешла к страстным чмоканьям в шею. – Отвали, дорогая, не для тебя цвел! Ну вот, паника началась. Еще бы!

Мысли метались как зерна в кофемолке. И чего мне дома не сиделось? Придурок!

Страх окончательно сковал мое сознание. И все как в том анекдоте:

Пойдешь налево – получишь!

Пойдешь направо – получишь!

Прямо пойдешь – тоже огребешь!

Так вот, решай быстрее, а то прямо здесь получишь!

Так и я: не двинешься – засосет, начнешь ерзать – засосет еще быстрее.

А те, кто могут сейчас протянуть мне ветку, уже бегут сюда. Но вместо этого всалят мне пулю между глаз, ибо других видимых частей тела уже не осталось.

Красиво попал! Влип, твою медь! Меж тем в деревьях уже замаячили пятнистые силуэты.

Поганое, мерзкое чувство отчаянья, жгло мои внутренности теперь уже горячим огнем.

Сид! Дружище!

Но думать обо всем этом, уже просто не было времени.

Ну все, братья! Я сделал несколько глубоких вдохов и погрузился...

They burned down the gambling house
It died with an awful sound
Funky and Claude was running in and out
Pulling kids out the ground
When it all was over
We had to find another place
But Swiss time was running out
It seemed that we would lose the race

Smoke on the water
And fire in the sky
Deep purple

В заведении сегодня было особенно людно. Низкие сводчатые потолки, выполненные, толи в стиле каземата, толи готического замка, усиливали эхо общей массы снующих туда-сюда фигур. Я сидел на высоком стуле, упершись локтями в стойку. Это было единственное на данный момент место, куда не доставала вода, щедро выплеснутая из пожарных гидрантов.

– А и хрен бы с ним!

– Откупоривая бутылку рома, подытожил Фил, и тут же всадил в нее гейзер.

– Что думаешь? Меж тем, толпа уличных зевак, собравшаяся поглазеть на “файер шоу” начала расходится по своим делам.

– Всё к лучшему! Наверно... Фил усмехнулся в бороду и продолжил колдовать с бутылками. Несколько пожарных начали потихоньку сматывать рукава, еще один растаскивал багром, еще дымящиеся остатки маленькой сцены. Мысль о произошедшем, вызывала желание кататься по полу и орать. Столько сил, столько лишений.

– Не знаю, страховки едва хватит, чтобы погасить кредит, – А... в курсе, – перебил меня обладатель кожаной жилетки и выставил два шота с подозрительным зельем мне под нос.

– Жизнь полна иронии. С этими словами он щелкнул зажигалкой с длинным хоботком и обе емкости вспыхнули голубым пламенем.

Вся ирония сводилась к тому, что наш, не так давно открытый бар, обещавший стать местом сборища любителей рока и тому подобных ценностей, между шестью и семью часами утра, ярко запылал как коктейль, чьему названию он обязан. Выгорела большая часть помещения, включая не дешевую аудио систему. Не тронутыми остались лишь раздевалка, три четверти барной стойки и чудом уцелевший, новенький “Чоппер”, служивший декорацией при входе. И сейчас две команды пожарных всем своим присутствием констатировали не утешительный для нас с Филом факт – мечте конец! Согласившись с утверждением бородатого коллеги, я чокнулся с висящей напротив фотографией Джима Моррисона и влил в себя горящий напиток. Два стопарика с характерным звуком одновременно дамкнули по дереву, а стоящая рядом пепельница стала немым свидетелем инквизиции над выполнившим свою миссию окурком.

Утро застало меня врасплох. Неведомая бормашина сумасшедшего доктора сверлила мне мозг с отчаяньем злобного пикинеса.

Ззз-ззз-ззз!

Мои глаза поднялись над подушкой как МИ 24 над сопкой. Пятерня "управляемых ракет" понеслась к цели огибая стакан с водой, будильник и всяческую карманную мелочь.

С экрана мобильного на меня пялилась довольная физиономия в синей бейсболке.

– Спишь?! – Ммм. – Слушай, Никитос, такое дело... Помнишь по ящику все трубили про находки из зоны? – Допустим. – А Старчикова? Мы еще у него в общаге собирались?! – Был такой. – Я с ним недавно общался. Сид затараторил так быстро, что я едва успевал улавливать смысл повествования. – Он за периметр наострился ходить. По началу, говорит, страшно, и не нашел ничего, а потом повезло. Короче с общаги он съехал. Понимаешь? – Смутно. Леня, я бы поспал еще чуток, голова болит. – Ник! Харе тупить! Представляешь, если мы найдем хоть одну такую штуку! – И ты предлагаешь туда наведаться, я правильно понимаю? Не ближний свет! В трубке зашипело. – Слышал? – Что это? – Я уже еду! – Слушай, я чего-то не догоняю, раз ты уже едешь, чего ты мне то звонишь? Раньше не судьба была? Обсудили бы хоть. И закрой окно, шум такой! – Раньше, ты б и не поехал, это раз! Два – я тебе вчера звонил, ты не взял. Узнал, что у тебя произошло, и решил узнать как дела. Ну и за одно, предложить... Вдруг?! А то лениво одному. – А чего так резко то? – Да не суть. Загорелось мне. Давай, поехали, развеешься, глядишь, найдем чего, беде твоей поможем! Да, и ты же, любитель всяческих походов. Попробуем. Пара дней и видно будет! Как ты собрался туда попасть? Женька рассказал, где найти местного, он все расскажет, проведет и выведет обратно, как договоримся. Ну что? – Ты сейчас где? – Харьков проезжаю. Встретимся в Дитятках у озера, оно там одно. Если что дальше двинем в село Рудня-Вересня. С собой много не тащи, еды и все остальное в Чернобыле купить можно. На вокзал не ходи, хохол сказал, там патрули шмонают. Сядешь на попутку. Чего молчишь? Вспоминаю, куда рюкзак зашхерил. – Отлично! Давай! А то, роуминг, знаешь ли... Как только трубка замолчала, в комнате повис звон тишины, и создалось впечатление, будто закрыл дверь перед носом цыганки пытающейся заболтать тебя на смерть.

Я лежал на удобной, теплой кровати и пытался представить себя топающего по грунтовой дороге в незнакомом мне месте. Тот репортаж я тоже видел, просто не придал увиденному никакого значения. Проблема подгоревшего бизнеса, конечно, требовала оперативного вмешательства, но впереди был понедельник, да и я давно не давал себе продыху, игнорируя подобные предложения. В конце концов, за пару дней мало что изменится. Да и денег у меня

откровенно не было. Заведение работало в минус, как и положено подобному бизнесу на первых порах. Если честно, я был согласен с того самого момента, как услышал голос в трубке. Какое-то странное чувство зудело в моей голове. Странное и одновременно знакомое.

Первый день.

На дальней станции сойду.

Трава по пояс.

Зайду в траву как в море босиком,

И без меня обратный,

Скорый-скорый поезд,

Растает где-то в шуме городском.

Растает где-то в шуме городском.

Пламя. В исполнении Гражданской Обороны.

К вечеру следующего дня, я уже топал по той самой грунтовой дороге и бодро вертел головой по сторонам. Дышать было одно удовольствие. С городом просто ни в какое сравнение. Конец октября радовал теплой погодой. Пахло яблоками и сухой травой. Запах недалекого леса смешивался с дымом костра. Я вдыхал воздух как охотничья собака. Утратившее былую силу осеннее солнце, уже направилось в серую нитку лесополосы. Картину омрачал только рюкзак, который еще километр назад, уже порядком врезался мне в плечи. Хотя, он скорее был не удобным, нежели тяжелым. Двести метров спустя, я таки поддался желанию сделать перекур, скинуть ношу, и заодно, достать карту, так как нужный поворот, все никак не показывался. Позвонить товарищу, означало бросить тень на непоколебимый статус бывалого путешественника. Повертев приобретенный в привокзальном ларьке глянецовый прямоугольник, я выяснил, что достать его надо было гораздо раньше. Еще раз, осмотревшись на местности и погоревав о зря пройденном отрезке, я вновь водрузил свой баул и направился через небольшой луг. Долго идти не пришлось, начинающая желтеть трава сменилась все той же щебенкой, щедро заминированной коровьими лепешками. Последние, судя по всему, лежали здесь уже давно и опасности не представляли. Деревенька, с пестрыми, всяк на свой лад, домами, осталась позади. Я пересек дорогу и направился к деревьям, растущим вокруг озера. Подтверждением приближающегося водоема, стали тучки комаров и мелкой мошки, грустивших до этого в густой траве. А про сетку то я и не подумал! Ни про сетку, ни про репеллент. Точнее подумал и даже приготовил. Лежат, там же где и ботинки. Собираясь выходить, я по привычке обулся в кеды. Приятно удивлось, если мой раздолбайский товарищ, догадался взять хотя бы репеллент. Я уже начал представлять нашу встречу с крепкими рукопожатиями, расспросами и обсуждением дальнейшего плана, когда между деревьев начала мелькать бежевая палатка.

Появилось кострище, по обычаю обнесенное парой бревен. Видимо, место пользовалось популярностью у местных. Одновременно я задумался над смыслом одноименной песни Сектора Газа. Да, сейчас только с местной шпаной, не хватало сцепиться. Отодвинув густые ивовые ветви, я подошел к остаткам костра. И! Сказал я громко, но про себя, оглядывая место дислокации. Палатка пустовала. Я как киношный следопыт потрогал золу. Едва осязаемое тепло держалось в самой глубине. Еще подходя к деревьям, я подозревал, что мой гаденький дружок, попытается напугать меня до чертей, выпрыгнув из кустов. Но он не выпрыгнул. С чего бы, они так спешно решили идти к следующей точке, закидоны проводника, или случилось что-то еще? Палатка была явно из недорогих и выглядела далеко не новой, но зачем же ее так оставлять? Вещей внутри не оказалось. Пустая консервная банка с засунутой в нее оберткой от макарон и количество окурков подтверждали утреннее отступление. Я достал телефон и набрал номер. После долгой паузы девушка объявила, что абонент не абонент.

Спустя банку тушенки и пару сигарет, я решил, что сидеть тут – напрасная трата времени, и посему, решил выяснить местонахождение второй точки сбора. Итак! С Сидом нас разделял восьмикилометровый отрезок, плюс избавить себя от возможности познакомиться с охраной блок поста. Короче, ни туда ни сюда. Дотемна, я не успею, это факт, но перспектива остаться здесь до утра и мусолить переживания, была мне не совсем по душе. Тем более, я допускал вариант, что что-то могло случиться.

Если я собираюсь разведать ситуацию, и в случае чего, быстро вернуться назад, то тащить всю кучу барахла, неизвестно куда, будет нецелесообразно. Запустив пустую банку в костер, я принялся потрошить новенький, наскоро купленный рюкзак, так вежливо впаренный мне улыбочивым продавцом. Сверху образовавшейся кучки, оказался прихваченный мной, старый, но еще прочный, брезентовый, дедовский рундук, с нарисованными, синей ручкой, инициалами Б.К. Из него щедро посыпался песок и сосновые иголки, с истлевшими, коричневыми листьями, напомним о грибных местах и рыбалке. Первым на дно отправился теплый свитер с завернутыми в него двумя банками тушенки, затем, за неимением фляги, литровая бутылка с водой, шесть пачек известной лапши, немного отсыпанной в мешочек соли и коробок спичек с промоченными в воске головками, который собственно никогда и не покидал пределы старого рюкзака. В голубую, эмалированную кружку, с нарисованным дубовым листом, я утрамбовал мешочек, с накануне молотым кофе и упрятал подальше от спины. Рядом легла маленькая пачка сахара. Австрийская разгрузка REDO, купленная по случаю в интернет магазине, поглотила в своих водонепроницаемых недрах карту и зажигалку. На бедре был закреплен черный, походный нож, с удобной прорезиненной рукоятью. Следующим на очереди оказался небольшой, вороненый топорик, обмотанный капроновой веревкой. Его было решено приторочить на поясицу. Качество девайса вызывало сомнение, ведь русский барыга и китайский бракодел – лучшие друзья, но проверить его в деле, у меня не было повода. Небольшая, блестящая фляжка с текилой и коробочка с нехитрым медицинским набором, вслед за комплектом батареек, проследовали в задний карман вещмешка.

Зовите меня просто – Джон Рембо!

В связи с надвигающимися сумерками, фонарик и компас я решил не убирать. Все остальное, я уложил под деревом и накрыл палаткой, которую наскоро забросал камышом.

Обогнув озеро, я стал приближаться к дороге, чуть возвышавшейся над лугом, за которой, по идее, должна была начинаться граница тридцатикилометровой зоны отчуждения. Делать большой крюк вправо мне не хотелось: блок пост был и так достаточно далеко, что бы попытаться прошмыгнуть незамеченным. Фигурки людей отсюда казались, конечно, не точками, но думаю, и я с такого расстояния превращусь в грязно-зеленое пятно на дороге. В десяти метрах от шлагбаума, с устрашающим видом, стоял БТР, видимо, для острастки любителей экстремального туризма. За зданием поста, стояла легкая боевая машина на гусеничном ходу, почему-то, развернутая стволом в сторону зоны. Сидя в этом овраге, с колотящимся от волнения сердцем, мне вспомнилось, как мы с братом лазали в соседский сад за вишней, и как в одно из таких мероприятий, хозяин дачного домика вышел справить легкую необходимость, а мы лежали в метре от него, укрываемые кустами крыжовника. Было дело! Еще раз убедившись в отсутствии нежелательных глаз, пригнувшись, я пересек пятиметровый участок дороги, за которым меня ждал такой-же, не глубокий овражек. В пятидесяти метрах от грунтовки начался смешанный лес. Если честно, я рассчитывал увидеть, как минимум ограждение из колючей проволоки, но единственным напоминанием, служил свежавыкрашенный, бело-красный треугольник, торчащий из невысокой травы. Так, ладно, баба с возу, как говорится. Нахрена тогда БТР? Посадили бы пенсионера с пугачом и граница на замке! Перебежав открытое пространство, солнце, скрылось в лесу вместе со мной.

Спустя пять минут, я уже успел обескураживающе спотыкнуться, вляпаться в смолу и влететь рожей в паутину. Это заставило меня быть повнимательнее, тем более, что из-за дере-

вьев стало на порядок темнее. Сейчас помимо поисков и душевных переживаний, меня беспокоила та мысль, что здесь на протяжении двадцати лет, беспрепятственно размножались волки и медведи. Кстати, стало как-то не жарко. Минут за тридцать пять, я прошел около трех километров. Лес стал гораздо гуще, и приходилось чаще обходить плотные заросли клена. Пару раз, на пути, мне встречались ржавые остовы грузовиков, к которым, я на всякий случай не приближался. А иногда, я наткнулся на примятую траву, изредка торчащую из лесной подстилки, что немного ободряло. Спустя еще полчаса, разглядеть, что либо, без фонаря, не представлялось возможным. Тем не менее, я до последнего старался его не включать. Привычная картина леса искажала понимание моего местоположения. Я все никак не мог привыкнуть к мысли, что я довольно далеко от дома и даже чуть-чуть вне закона. Тяжелая шишка, громко шлепнувшаяся передо мной, заставила меня подпрыгнуть как напуганного кота, тем самым вернув меня в действительность. Все-таки пора надевать фонарик, а заодно и скорректировать направление. Зрачки моментально сузились, пытаюсь отсечь лишние люмены, и окружающий лес окончательно превратился в сажу. Налобные фонарики, я презирал начисто, но стоило отдать им должное, во многих случаях это было удобно. Влага, растворенная в воздухе и выдыхаемый пар, подсвеченные лучом света, сильно его отражали и тем самым не давали возможность нормально разглядеть объекты расположенные выше луча. Да и при выключении, в глазах оставалось большое, разноцветное пятно, что по понятным причинам было неудобно. С курса я практически не сбился, до деревни оставалось всего полтора километра, и я решил немного ускориться.

С каждым шагом, луч становился все отчетливее, я сдернул его со лба и осветил вокруг. В воздухе висел туман, не совсем характерный для этого времени года. Я даже на всякий случай, сломал ветку рядом с более-менее узнаваемым деревом и загнул ее в направлении, откуда пришел. Жуть какая! Не хватало забрести еще на местный погост! Через двадцать минут скитаний, я уже с одержимой жадностью глядывался в деревья и выискивать очертания домов, или, по крайней мере, того, что от них осталось. Но упрямый фонарик продолжал вырывать из темноты однообразный пейзаж. Я от всей души поздравил себя с успешной попыткой заблудиться! Ладно, спокойно, спокойно. В принципе, я не исключал такой вариант, ибо не часто доводится гулять среди ночи в глубинах пятой точки Украины. Двигаться дальше, я решил небольшими зигзагами, что бы охватить как можно большую площадь, но и не замедлить общий темп передвижения. Идти стало слегка тяжелее, видимо я поднимался на очень пологий холм. Отличная возможность попытаться дозвониться до Ленки. Звук от липучки в такой тишине показался мне очень громким. Присев на одно колено, я достал мобильник. Тишина была как на уроке истории в младших классах, который вел Директор.

Сняв блокировку с экрана, я удрученно заблокировал его обратно. Статус связи – ни одной «палки».

Теперь, даже если Сид звонил, я не узнаю. Окей, есть еще один простейший способ поиска дружественных целей, и я набрав побольше воздуха, свистнул. В ушах зазвенело. Лесное эхо было, почему то не в голосе и мой свист утонул в туманной вате. Окончательно себя демаскировав, я повторил попытку. Ти-ши-на. Закурив, я принялся обдумывать дальнейший план Б. И так, решение следующее: поскольку я мог, как не дойти до деревни, так и умудриться её проскочить, обогнув с любого бока, то есть смысл остаться здесь до рассвета, дабы не усугублять сложившуюся ситуацию. Это раз. Во вторых, будучи информированным о наличии в округе зубастой фауны, будет не лишним устроить ночлег где-нибудь повыше.

Снова включив фонарик, я принялся отыскивать подходящее дерево, коим оказалась довольно высокая липа. Соседний дуб нравился мне гораздо больше, но забраться на него не представлялось возможным. Да и с липой, надо сказать, не сразу все получилось. Выбрав ветку поудобнее, я принялся обустроиваться. Свитер, я предпочел надеть, хотя, был соблазн, сделать из него, хоть сколь-нибудь, мягкую подстилку. Рюкзак был повешен на выше растущую ветвь.

За неё же, я привязал втрое сложенный капроновый шнур, и обмотав обе ветви, сделал что-то вроде кокона. Не хватало еще свалиться. Заснул я не сразу. Сначала просто не хотелось, затем стало неудобно, потом начали мерещиться всякие звуки и шорохи, еще позже я ожидаемо замерз, и наконец, ближе к рассвету, приняв удачную позу, я засопел. Весь остаток ночи мне снился дурацкий медведь, пытающийся добраться до моей драгоценной персоны.

Когда глаза открылись, я уловил несоответствие имеющегося пейзажа с привычными очертаниями моей квартиры, в виду чего, в сердце была отправлена доза адреналина. Память мгновенно прояснилась, и я начал неловкое снисхождение на грешную землю. Вид с дерева открывался замечательный, но то, что ожидало меня в низу, стало причиной горячего сквернословия и глубокой задумчивости. На высоту человеческого роста, весь ствол липы, был сплошь исполосован следами когтей. Глубокие борозды, до сантиметра в глубину виднелись по всей окружности, а земля вокруг дерева была усыпана корой. Глаза мои превратились в аналоги местной металлической валюты номиналом в пять копеек. Оцепенение отпустило лишь через несколько секунд. Ночной туман практически рассеялся, и я попытался разглядеть движение в окружавших меня зарослях. Тишина, следов на земле тоже не оказалось. А было бы не лишним знать направление, в котором ушел ночной гость. Косолапые не точат когти. Кофе пить захотелось. Уже на скором ходу, вытащив компас, я взял левее. Спустя всего несколько минут, лес начал редеть, и сквозь деревья начала проглядывать дорога. Ни машин, ни людей, в обе стороны. Дорогу я пересекал в том месте, где над ней нависали две параллельные ЛЭП. Вид гигантских металлических конструкций на фоне восходящего солнца, именно такой сюжет был изображен на нашивке моего практикантского халата, во времена учебы в техникуме. Там, где линии снова удалялись в лес, складывалось ощущение, будто два гигантских катка устроили гонки. Размеры опор кружили голову, и если судить по длине бус изоляторов, то линия рассчитывалась киловольт на семьсот пятьдесят. Впечатляющее зрелище, даже шея устала. Если смотреть по карте, идти оставалось минут десять. Странно, как меня угораздило вчера не дойти. По ощущениям, я уже должен был упереться носом в энергоблок, а как выяснилось, не, дошел с полтора километра. Пока я проходил открытое пространство под проводами, едва поднявшееся над деревьями солнце, успело пригреть мой закованный за ночь зад, как вновь пришлось углубиться в лес. С обувью я непростительно прогадал, и сейчас роса беспрепятственно просачивалась внутрь. Наконец лес снова стал редеть, и вдалеке замаячили отдельные постройки.

Большинство домов было на грани полного разрушения. От некоторых, в особенности деревянных, остались только лохмотья крыш. Из первого, на моем пути дома, росло дерево, развалив ветвями перекрытие, от чего южная стена провалилась внутрь. Трава, росшая повсюду, доходила до пояса, а местами скрывала меня полностью. Прямо по курсу рос, некогда ухоженный сад с плодовыми деревьями. На некоторых висели вполне приличные яблоки. В животе заурчало, но я решил не поддаваться на подобную провокацию. Можно и козленочком стать. Размышления на гастрономическую тему привели меня к мысли, что я забыл еще одну не маловажную в походе вещь, какую – не скажу. Придется довольствоваться лопухами. Следом за садом стоял еще один дом. Этот сохранился получше: на стенах пятнами виднелась белая штукатурка, все стекла целые, на крыше даже присутствовали остатки аистиного гнезда. Дверь запиравшая крыльцо лежала рядом. На самом крыльце стояла древняя газовая плита, под раскопавшейся скамейкой прятались какие-то банки, и ржавый таз, который изначально висел на стене, судя по оставшемуся контуру. У второй, более массивной двери, тоже отвалились петли, и она осталась стоять в открытом положении, напоминая о спешной эвакуации в восемьдесят шестом. Всюду на полу валялись экскременты разного калибра, на облупленной кровати полно шерсти – дом явно пользовался популярностью у новых хозяев. Из следующей комнаты шел свет, я заглянул в проем. Как оказалось, в дальнем углу обвалилась часть стены. Обои на сте-

нах висели крупными лохмотьями, ящики из комода валялись на полу, накрытые истлевшей занавеской. Повсюду разбросаны фотокарточки и старые открытки. Видимо орудовали мародеры. Среди прочего хлама, в куче образованной обвалом стены, мое внимание привлек красный цилиндрик. Гильза! Затем еще одна. Постояв немного, я поспешил подобрать находку и поднес её к лицу. Пахнет кислятиной – свежие. Да что ж тут происходит? Сид, где тебя черти носят? Пройдя сквозь дыру в стене, я решил обследовать еще один дом, как вдруг в кустах что-то шмыгнуло. Я замер. С полминуты ничего не происходило. Неожиданно, с другой стороны, кто-то пронесся сквозь заросли, поперек моего пути. Опа! Если это волки, мне канты. Быстро к тому дому, возможно, там есть двери, а еще лучше чердак. По пути я наткнулся еще на две гильзы, а еще через несколько шагов, за поваленным деревом, я разглядел явно рукотворный предмет. Перепрыгнув через сухой ствол, я подобрал двуствольное охотничье ружье. Одновременно с этим, метрах в сорока, раздался вой. Развернувшись, я не сразу заметил источник шума. На крыше крыльца небольшого дома, стояла непонятной породы собака и смотрела, не отрываясь в мою сторону. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, как вдруг она громко залаяла и бросилась с крыльца в высокую траву. Из ближайших домов раздались звуки возни и бьющейся посуды. Чуть ли не со всех сторон в моем направлении, по высокой траве потянулись следы невидимых торпед. Рванув, я принялся соображать, что буду делать, если дверь окажется запертой или её не окажется вовсе. Вариантов было не много. Можно попробовать успеть оттолкнуться от окна и забраться на веранду, стоящее рядом дерево слишком низкое и сухое, а еще хорошо бы не прилечь случайно отдохнуть, пропахав носом землю, вот тогда хана! Дверь к счастью была открытой, но замок оказался выбитым. Ворвавшись в помещение, я попытался запереть ее на засов, но тот намертво прикипел. Ударить прикладом не позволяло пространство, и я принялся подтаскивать к двери какую-то столешницу. Уперев ее под дверь, я начал метаться по комнатам в поисках возможных мест проникновения. Одним из таких оказалось большое окно с выбитой створкой. Похоже, именно так сюда попали те, кто перевернул здесь все вверх дном. Сдвинуть шкаф у меня не вышло, пришлось опрокинуть письменный стол. Так меня хотя бы не будет видно. Вроде все. Чердака не оказалось. Подойдя к окну, я насчитал не меньше пятнадцати собак, разных мастей. Все они кружили вокруг дома и непрерывно лаяли. Некоторые царапали снаружи и пытались сунуть свои морды в запертую дверь. Я сдвинул запирающий рычаг и открыл стволы – два патрона, но оба капсюля пробиты. Достав гильзы, я подбросил их на ладони и запустил в смотрящую на меня, через грязное окно, морду. Собака отпрянула и поняв обман, принялась гавкать, обнажая белые клыки в хлопьях пены. Может и этот баклан сидит сейчас также, в соседнем доме, и даже крикнуть не может. Да, надо бы проверить связь. Достав мобильник, я убедился, что ловить здесь в прямом смысле нечего. Хотя, можно опять посвистеть, и я осторожно подошел к окну с разбитой створкой. После моей попытки, собаки удвоили психологический натиск и забрызгали все окно слюнями. Хрена вам! И я запулил в одну из них то ли солонкой, то ли еще какой-то керамической штукой. Попав собаке по носу, та взвизгнула и принялась обнюхивать снаряд, после чего снова принялась бестолково лаять. Спустя двадцать минут хождения по комнатам и размышлений, бежать было по прежнему некуда. Проверив прочность баррикады, я решил воспользоваться свободной минуткой, а может и несколькими днями, чтобы попытаться, наконец позавтракать. Отыскав на кухне подходящий котелок, я принялся набивать его газетами, а затем настрогал в него оторванный от косяка наличник. Пока огонь занимался, я пошарил в рюкзаке и извлек оттуда кружку с кофе. Из-за отсутствия тяги, костерок разгораться не спешил, а разжигать нормальный, рискуя спалить собственное убежище, мне не позволял здравый смысл. Да! Здравый смысл! Правда между мной и здравым смыслом оказалось столь большое расстояние, что свету требуется несколько лет, чтобы его преодолеть. Мда. Дабы не тратить время попусту, можно пока заняться тушенкой. Наверное, глупо усиливать аромат добычи еще и запахом тушеного мяса, но, что поделаешь! Вот и вода закипела. Обтерев нож о средство массовой информации

двадцатилетней давности, я озаботился дозировкой ароматного порошка. Интересно, сколько мне тут сидеть? Воды осталось чуть больше половины бутылки. Вообще вся эта ситуация меня порядком нервировала: Сид пропал, кругом собаки, я застрял, еда кончается! И кто стрелял? Это если учесть, что меня не преследует здоровенный медведь, хотя пока собаки здесь, приближаться он не рискнет. Ружье, скорее всего принадлежит проводнику, но что стало причиной пальбы, а главное, почему он бросил оружие? Та же стая собак, что сейчас стережет мою персону? Тогда они сидели бы в соседнем доме и слышали мой свист. С улицы донесся собачий визг, видимо вожак укреплял дисциплину стаи. Ой-ей, чуть не убежал. Закутанной в обшлаг рукой, я снял кружку с огня и отправил в нее четыре куска сахара. Калории мне сейчас пригодятся. Так, первые две гильзы я нашел у стены. То есть стреляли внутри помещения. Затем стрелок отступил, но ружье перезарядил в доме, значит, не спешил убежать, а значит, был уверен, что поразил цель или остановил. Допустим, в доме он столкнулся с собакой, и убил её, или от неожиданности только ранил, а вторым добил. Но следов крови и дырок в стене, а уж тем более дохлой собаки, я не обнаружил. А значит, это была не собака, а кто-нибудь побольше. Например, кабан или мой косолапый друг. Но как я уже сказал, ружье стрелок перезарядил в доме, и опять же, если стрелять в упор, то мы имели бы труп. Не стыкуется. Значит, дом использовали как укрытие что бы перезарядиться, а мишень была снаружи. Следующие гильзы лежали в семи метрах, а две последних остались в стволах. Значит, стрелок покинул укрытие и продолжил вести огонь, но соотношение сил не рассчитал и пустился в бегство. А раз собаки все еще голодные, то сделать это ему, скорее всего, удалось.

Кофе, кстати, не оправдал моих ожиданий. Не надо было вестись на красивую упаковку. А может, они просто выжрали, какой-нибудь местной сивухи, и устроили стрельбище? А ружье, в конце концов, просто потеряли по пьяни. И вообще решили вернуться. Меня искать! Это решение показалось мне логичным. Вытряхнув гущу, я закурил. Взгляд мой остановился на сетчатой кровати, свойственной тому времени. Можно было устроить что-то вроде загона и запускать туда собак по одной. На руку намотать кусок синего, армейского одеяла, для отвлечения, а свободной, попытаться пробить голову топором. Пока мои мысли сосредоточились на возможных вариантах истребления оккупантов, я не заметил, как стало тихо. Подойдя к окну, мне открылась интереснейшая картина: от собачьего табора не осталось и следа. Трава не шевелилась, никто не лаял. Лишь клочья светлой шерсти остались на корявой яблонево́й ветви. Окей, проверка связи. Вытряхнув золу из котелка и положив внутрь банку из под тушенки, я на сколько хватило сил, швырнул из окна «шумовую гранату» в ближайшее дерево. Мероприятие возымело должный эффект: снаряд задел краем ветку и покатился, издавая лязгающий грохот. Никого? Никого! Как в мультике про Антилопу. Перед выходом, я все-таки решил сделать защитную манжету из одеяла. Ведь, как известно, береженого, Бог бережет! Вернув на плечи вещмешок, и взяв ружье, я отодвинул подпиравшую дверь столешницу и вышел. На улице заметно потеплело, и после пребывания в пропахшем дымом, да и без того затхлом доме, дышалось не в пример замечательно. Собаки как сквозь землю провалились. Озираясь по сторонам, я начал неторопливое движение в сторону следующего дома. Нож я держал лезвием вниз, и в любую секунду был готов бежать обратно к убежищу. На соседнюю крышу слетелась шайка ворон и принялась бурно обсуждать мой клевый прикид. Отлично, будете служить мне ориентиром на случай чьего-нибудь приближения. Хотя, если бы это были настоящие падальщики, то они бы наоборот преследовали хищника, который бы уже меня почуял. Брр, нагнал на себя страху, но на заметку надо взять. И я начал сближение со следующим крыльцом. Подходя к двери, я больше боялся не скрывающуюся в недрах опасность, а возможность наткнуться на тело. Поднявшись на ступеньку, в глаза бросился уже знакомый предмет – гильза двенадцатого калибра. Я шагнул внутрь и начал осматривать помещение: рама противоположного окна, на уровне моей головы, была покрыта мелкими точками запекшейся черной крови и явными отверстиями от крупной дробы. Организм моментально привел в действие древней-

шие инстинкты, выпустив в кровь адреналин, а тело, приготовив к бегству. Твою ж мать! Я не мог оторвать взгляд от кровавых следов. Слишком серьезный оборот стала приобретать наша прогулка. С этого момента желание жить хорошо, превратилось в желание просто жить. Осознав сей факт, я сделал еще шаг и заглянул в единственную комнату. Та же картина, что и в других домах: облезлые обои, ящики на полу, мусор, за исключением кучки костей и нескольких высушенных трупов собак. В нос ударил запах смрада.

Следов присутствия людей я не увидел, и что делать дальше, не знал. От вони меня начало мутить, и я спешно выбежал на улицу. Сигарета задымилась в моих пальцах, создавая иллюзию контроля. Господи, что делать, что мне делать? В кого же вы стреляли? Кто мог на вас напасть? Мародеры? Чего им с вами делить? И если стрелять в голову, то опять же, где тело? Так, в любом случае, стоя на месте, я ни чего не решу. Надо двигаться дальше, должны же остаться следы. Обойдя дом, я вышел на заросшую дорогу и тут же влетел в чьи то останки. Труп собаки. Часть морды, отгрызена начисто, бок разорван. Барбос, надо сказать, не маленький, возможно даже вожак. И правда, шкура рыжая, с черными пятнами, как у той, на крыше. Овчарка что ли? Я смотрел на торчащие ребра и пытался понять, кто мог нанести такие раны? Собаку просто схватили за морду и мощным ударом отшвырнули в сторону, оторвав пол головы. Может и медведь. Этот передней лапой наступит, а задней разорвет, да и рост походит. Если выпрямится, как раз объясняет выстрелы в голову. Вот только что бы подойти к такой стае, надо быть очень голодным, а труп, относительно целый, да и еды в лесу должно быть полно. За те пару минут, что я разглядывал собачьи останки, солнце сместилось и осветило недалеко, в траве, синее пятно. Под невысокой ивой лежала кепка Сиды. Подняв её, я осмотрелся. Ты бежал! Быстро и без оглядки. Открытым остается вопрос – кто гнался за вами? Кого я могу встретить в этих лесах...

Awakeining
Lisa Gerard

Убрав нож, я отстегнул топор и срубил подходящую ветку орешника. Если появятся собаки, это копьё мне пригодится, даст мне лишнюю секунду. А уж с косолапым как повезет, может от смеха сдохнет. Приступ тошноты отступал. Смотреть на карту не было смысла, я и так помнил, что в ближайшем радиусе нет деревень, в трех километрах река, а куда бежит до смерти напуганный человек, сложно предугадать. Тонкий, разросшийся кругом орешник, позволял видеть на сотню метров вокруг, и я решил ускорить движение. Дорога настолько заросла, что почти не отличалась от растущего вокруг леса. На бегу я пытался сообразить, что бы делал на месте Сиды. Но одно дело убежать от собак, тут можно залезть на подходящее дерево, а то, что я видел в доме, никак не укладывалось у меня в голове. Тем не менее, я принимал во внимание всевозможные варианты. Непонимание увиденного в деревне, лишь усугубляло мой страх. Уже через две минуты бега, мне стало жарко. С одной стороны хорошо, что я облегчил несомый груз, так как это явная маневренность, а с другой, провизии у меня на три дня, это в случае если я найду воду, пригодную для приготовления пищи, в чем я сильно сомневаюсь. Хотя лапшу, можно съесть и сухой. А еще интересно, сколько радиации я уже успел хапнуть? Счетчик Гейгера – не достигаемое удовольствие. Как говориться, знал бы где упасть – соломинку подстелил. Интересно, Сид взял? Слюна во рту стала вязкой, а бок начал колоть. Я пробежал около двух с половиной километров. Если раньше подобные симптомы возникали после десятого круга по унылому стадиону, то с учетом рюкзака, ружья и усталости, думаю, как раз это расстояние я и успел покрыть. Адреналин уже утратил свое действие и разрозненные мысли стали упорядочиваться. Ни одного следа мне так и не встретилось. Но есть и плюс, не человеческих следов, я не встретил тоже. Хотя, если вспомнить липу, на которой я ночевал, то там тоже следов не было. Это при том, что медведь с таким ростом, должен весить кило-

граммов двести. Пахнуло рекой. Дорога резко приняла вправо. Прямо по курсу был склон, и, сперва, я решил осмотреть его. Ожидания не заставили себя ждать: огромные лопухи, или как там их, были сплошь переломаны, а у самой воды, валялась грязная, болоневая, походная жилетка. Похоже, ты не видел берега реки и боялся утонуть, а значит, бежал в темноте, и не знал, что он близко. Я попытался разглядеть следы, но влажная земля превратила их в однообразные углубления. Один ты, или проводник с тобой, понять я не мог. Вода была темной и одновременно прозрачной. Глубоко, или дно илистое. Лезть в воду не хотелось. Постоянно оглядываясь, я начал раздеваться. Кожа моментально покрылась мурашками. Пара мелких, но отважных комаров, зашла с тыла. Разгрузку, свитер и шот, я упрятал в мешок с застежкой из-под рюкзака. В нем, конечно, были отверстия, но думаю, много не натечет. Жилет Сида, в виду того, что он уже успел набрать воды, был попросту привязан в виде рулона сверху. Острогу я решил прихватить с собой. Можно даже попробовать прикрепить к ней рюкзак. А тогда и штаны с ботинками можно снять. Интересно, с ружьем тяжело плыть? Сделав импровизированный узел, я ступил в воду. Вершить твою революцию! В такую воду, я не лазил с сорокадцати лет. Как говаривал мой братец: "вода замечательная, только мокрая!". Когда вода дошла до экстремальной отметки, даже мысли в голове зазвучали фальцетом. Уххх! И я окунулся! Тело обожгло. От выдыхаемых брызг, появилась маленькая радуга. Резво работая руками, я попытался сконцентрироваться на том, чтобы не окунуть рюкзак. Ключицы моментально заломило. Даже усиленный темп гребли не спасал положения. Четыре метра. Ноги коснулись водорослей. Три, два. Где дно то? Твою мать, один, ракушки! Осклизлый, теплый берег! Ааа! И я скорчился на берегу, растирая тело. Да, брателло, водичка – ум один! Драть твою бороду! Одеваться, быстро, быстро, быстро! Свитер уже лишний, им можно обсушиться. Ишь ты! А ничего так! Даже хорошо! Пляж только грустноват, а так... Разросшаяся, густая трава, послужила ковриком для ног.

Бодрит, надо сказать! Проверив доступную амуницию, я осмотрелся. Так, на земле отпечатки лишь одного. Окинув доступный взгляду берег, других следов я не нашел. Ладно, движем дальше. Очень надеюсь, что эта тварь или твари не водоплавающие. И так, простая логика: если погоня отстала, то есть смысл отбежать на некоторое, безопасное расстояние и поискать укрытие. Думаю, если мой товарищ считал так же, и ничего нового не произошло, то мы скоро увидимся. Надеюсь. Удалившись от реки, я начал всматриваться под ноги, не забывая вертеть головой по сторонам. Интересно, как там Филимон? Наверно телефон расплавил, вызывая меня. Ну а я тут как-то так, да. Солнце, еще вчера вызывавшее простые ассоциации, сейчас превратилось в союзника. Оно давало тепло и возможность видеть. Я постарался собраться. И все таки, я романтик-дурачок, привыкший руководствоваться сердцем чаще, чем головой. Сейчас мой внутренний голос меня не напрягал, я был в знакомом для меня месте, таком же безлюдном, как и всегда. Стоп! Думаю, мой слух сейчас сослужил мне больше пользы, нежели моя болтовня. Я замер как статуя пионера. В лесных тенях, вдалеке, мелькнули какие-то тени и исчезли. Нет, я не ошибся, между деревьев, действительно сновали силуэты. Собаки! Убрав топор и вернув в правую руку нож, я приготовился! Нет, так неудобно действовать острогой, и нож я решил закрепить на груди, таким образом, что бы его можно было моментально выхватить. Шорохи стали возникать со всех сторон. Прятаться было негде. Ни одного подходящего дерева. Придется принять бой! Мысли начали таять, превращаясь в образы, в некую субстанцию действий. Доклад от сознания прекратился. Да! Я даже оскалился на секунду. Надо взять себя в руки. В конце концов, это просто звери! Ага, и их тут не меньше чем в деревне! Где-то справа, залаял один из псов, также, как та собака в деревне. Атака! Видимо еще одна стая. Из-за деревьев, с разных сторон, понеслись размазанные силуэты. Лихорадочное сознание не успевало фиксировать приближающиеся цели. Какой я дурак, что не догадался сделать защиту и на ноги, они ведь всегда грызут сухожилия, что бы обездвижить жертву! До первой собаки оставалось несколько метров. Я не знал, как лучше ударить, но эту надо вырубить сразу, иначе

остальные задавят. От ужаса руки стали легкие как перо. Я решил бить любым образом, понадеявшись на тело, лишь бы затолкать заточенный орешник, как можно глубже в пасть! Мгновение. От удара, голова сложилась с туловищем, видимо я попал в край рта. Собака взвизгнула и начала мотать головой, как рыба на крючке. Все пошло не так. Панический страх ускорил движения до невероятных скоростей. Удар за ударом, я спешил искалечить обидчика, во что бы то ни стало. Со второй получилось ловчее: я подставил собаке защищенное предплечье, и когда та впилась, остервенело терзая обмотанное куском провода одеяло, я всадил ей в правый глаз нож, а за тем и в левый. Визжащая тварь бросилась прочь. Пока первая извивалась в прямке, я проткнул её насквозь, в брюхо. Кровь брызнула мне на лицо и на одежду. Третья набросилась сзади, укусив меня за ботинок. Ударами в шею, я выиграл пару секунд и успел заметить, что эта, была какая то больная. Шерсть клочьями торчала с боков, а на горбу стояла дыбом, все тело было поражено какими-то язвами, а белки глаз были мутно красными, создавалось впечатление, что глаза полностью черные. От полученных ран, собака даже не подумала ретироваться, а наоборот, с еще большим напором бросилась в атаку. Пытаясь подсунуть манжету, я лупил её по морде ножом, когда увидел, как близко уже были другие. Сид! Я здесь, помощи! Сиийид! И я свистнул что было сил. Двое подбежали одновременно. Первой я засадил ногой по голове, и ее без визга, развернуло на сто восемьдесят. Со второй попытался разобраться отработанным методом, но она не решилась приближаться и лишь гавкала и скалилась. Раненная, вновь бросилась в атаку мешая первой. Ткнув в нее острой, я еще раз ударил первую. Пока та огрызалась, я умудрился ударить в ушную пазуху раненую, и та, прильнув пузом к земле, заскулив, начала отползать. Ее предсмертный вой, видимо насторожил остальных, и они начали расходиться стройным кольцом. Только сейчас, я увидел, что их было намного больше, чем в деревне. Дыхание сбилось. Я почувствовал, как дрожит все тело, как пульсирует кровь в ладонях. Сужая кольцо, собаки расступились в одном месте и пропустили, здорового, белого пса, похожего на дога. По крайней мере, так мне показалось. Разглядывать особо было некогда. Гавкающая, вдохновленная видом вожака, наконец, решилась, но бросилась не уверенно, и я загнал её «кий» по самое не балуй! Первая, получив пряников, и оставшись один на один, с размахивающим палкой двуногим, решила отступить к стае. Это погоды не сделало, собак было все еще слишком много. Следующая волна растащит меня по кустам. Суки будут драться за лучшие мои куски. И приступ гнева и ярости захлестнул, заставил сжать палку и придал сил. Я не спускал глаз с вожака. Сейчас они подойдут ближе, и он бросится на меня, а за ним и остальные. Нет, так быть не может, я не могу так здесь пропасть! Это вообще сон какой-то! Паника пыталась толи помочь, толи расслабить, но мне вдруг стало, как-то все равно, что ли. Этот день меня уже доканал. Я вдруг почувствовал, что дико устал. Мне захотелось отпустить палку, лечь прямо здесь и заснуть. Заснуть, что бы проснуться дома, где тихо, и привычно. Где есть кофемашина и огромный телевизор. Тем временем, из-за вожака сверкнули еще две пары мутно-зеленых огней в густой тени. Две здоровенные псины следовали к вожаку, а за тем стали расходиться, окружая меня. Вожак без всяких сигналов скользнул в моем направлении, а за ним и вся свора. Деваться было просто некуда. Я бросил палку и перевернул нож острием вниз. Ну, давай, попробую хоть тебя завалить, пудель вонючий! Когда пес прыгнул, я осознал, какой он здоровенный. Мой короткий нож, просто увязнет в нем. В следующую секунду, меня обдало ветром справа и огромное черное пятно сбило дога как тарелку для фрисби.

Тьма прижала опешившего пса к земле, как тряпку. Большая часть его головы оказалась в пасти. Массивная лапа молниеносным ударом разорвала весь бок собаки. Я раскрыв рот смотрел на этого доисторического монстра, как мне в грудь ударили лапы. Бухнувшись на рюкзак, резкая боль пронзила мою голень. Массивная серая собака терзала мою ногу. Я метнулся так, будто меня жалили осы. Тремя ударами, я попытался пробить голову, но только ободрал руку. Еще одна тварь вцепилась мне в левое предплечье, но выше начинающей развязываться

защиты. Я пинком ударил серого и тот, ободрив меня, снова ринулся в атаку. Отстегнув топор я пробил череп, мерзкой собачонке, грызущей мою руку, а затем, грохнул по башке и серого. Но тот, кажется, не внял моим доводам отстать. Второй удар сколол ему клыки, и пес резко поумнел, но третий выбил из него остатки полученной мудрости и туша замерла у моих ног. Сбросив с себя дохлую шавку, я увидел, как разбегается стая, а черный мрак повторял свой прием с одним из прихвостней белого. Тот даже визгнуть не успел, как разлетелся на две части. Ни хрена себе! Второй черный переросток, оскалившись, заходил на меня сзади, но тут же развернулся и бросился прочь, в чащу. Бестия погналась за ним огромными прыжками. Лежа в этом овражке, я мог видеть, лишь как пригибается кустарник. Визг. Я одернул штанину и увидел две довольно глубокие дыры. Видимо прокусить толком не успела, лишь сильно вмяла кожу. Штаны не были дырявыми, хотя одна вмятина начала заполняться кровью. Осмотреть руку, не было времени, да и дырок я не заметил. Вокруг валялось около десятка собачьих тел, считая убитых мной. Я сидел посреди лесной чащи и лишь смотрел, как солнце пробивает лучами взвешенную пыль. Крупная дрожь барабанила по рукам. Комар, севший мне на щеку, заставил врезать себе пощечину. Тебя вот только не хватало. Подобрав затупившееся копьё, я осторожно поднялся. Мой нож и руки оказались в алых разводах и налипшей шерсти. Топор я пристегнул на свое место, едва пытаясь попасть в застёжку. Так, где я? Сориентировавшись по компасу, я взял правее на два часа и двинул дальше, пытаясь сопоставить факты. Сердце все еще колотилось, и мне хотелось просто идти. Мысли разбегались, и меня пошатывало как пьяного.

Хотя среди них не было ни одной, что бы повернуть назад. Если эта тварь пряталась в доме, то каким чудом им удалось выжить, хотя, кто сказал, что им это удалось. Только тот, кто видел их тела, а я их не видел. Хотя меня она не тронула. Что это вообще было?. Черт возьми, я бы выпил! Пыльный рюкзак грохнулся на трухлявый пенёк. Пальцы путались в веревке. Мексиканское снадобье обожгло горло. Если так дальше пойдет, то лучше оставить для обработки ран. Я закупорил флягу. Привычный узел затянул зеленый ранец. Пачка мятых сигарет дополнила недостающие элементы. На нос мне упала крупная капля. Я задрал голову и сквозь верхушки деревьев увидел наползающую тучу. Замечательно! Вокруг потемнело. Со стороны, в которую я направлялся, дунул ветерок. На секунду расслабивший алкоголь растворился. Сейчас вольет. Интересно, сколько я еще пройду, если ни чего не встречу? Что я буду делать? Попытаюсь вернуться или продолжу поиски. Я вспомнил про стаю на той стороне. Кстати, очень интереснейший факт. Теперь, я догадываюсь, кто уделал, ту рыжую суку в деревне. Только на кой пес, эту тварь понесло туда? Или их несколько? С лева послышался шелест, явно отличавшийся от шелеста листьев, и я тут же повернулся. Вглядываясь в кустарник, я никого не обнаружил. Самое время заточить свой посох. Пара взмахов смахнула кровавую стружку, оголив белое дерево. Привстав с колена, я продолжил аккуратное движение. Налетевший порыв, сдул с меня остатки жара битвы. Падающие желтые листья и желуди зашуршали по земле. В момент, когда рыжий лист почти коснулся земли, мой взгляд распознал силуэт в тени большого, поваленного дерева. Нет, только трава качнулась. Хотя не удивительно, эта тварь теперь до конца жизни будет мерещиться. Оторвав взгляд от лежащего ствола, я повернул голову и замер с гримасой удивления, перед внезапной и ужасной смертью. В пяти метрах, на сером валуне, прямо надомной, стояла черная, здоровенная кошко-собака. Из-за сгустившейся тучи, вокруг стало гораздо темнее и разглядеть тварь, стало еще проблематичнее. Шевельнуться я не посмел. Попытка броситься бежать от собаки, как правило, заканчивается одинаково. Секунду мы смотрели друг на друга, затем, она обнажила клыки, которые и без того торчали как частокол на бастионе. Звероящер зашипел, фыркнул и сделал гигантский прыжок через меня. Двигаясь почти бесшумно, тварь старалась оставить между нами пару деревьев. Описав небольшой полукруг, зверюга села, уставившись на меня угольком глаза. Я попытался рассмотреть ее по внимательнее, как она тут же вскочила, и оскалившись, стала очень не хорошо рычать,

делая маленькие, но стремительные шаги в моем направлении. – Эй, эй! Ты же меня спасла! Между нами было метров семь. Бежать, опять же, не было никакого смысла. Подобный вопрос решился бы через одну секунду. Тем более, сзади меня торчал серый валун. Вот теперь я видел, как она двигается, как выглядит. Лапы словно закреплены на земле, тело строго параллельно, движения плавные как у пантеры. Кожа, в тех местах, где отсутствовала или редела шерсть, напоминала черные бисеринки. Мускулатура развита как у стероидного льва. Кто ты? Или что ты? Рывком бестия подняла голову, понюхала наполнявшийся холодной влагой воздух, и уставилась куда-то левее меня. Я инстинктивно обернулся. Никого не увидев, я повернул голову обратно. Пустое место. Что за игры? И кто там может быть интереснее ходячего куска мяса? Пользуясь случаем, стоило поскорее покинуть тупик. На этот раз, я решил сменить направление, и взял гораздо левее моего прежнего курса. Хотя именно в этом направлении разбежались остатки стаи. Но они хотя бы не вызывали первобытного страха, и не заставляли цепенеть. Не пройдя и ста метров, мне на глаза попался разорванный уже знакомым методом труп собаки. Чуть дальше начинался довольно глубокий овраг, другого края которого, я не видел. Хотя может это и не овраг, а я стою на бугре. Попытка – не пытка. Оторвав липучку, я извлек мобильник. Последний вызов, набрать. Долгое молчание. Я собрался сделать еще одну попытку, как в трубке раздался гудок. Второй, третий, четвертый, и тут, вызов сбросили. Я оторвал трубку от уха и посмотрел на экран. Вызов завершен. Ладно, попробую минут через пятнадцать. Мало ли в какой засаде ты лежишь. Хотя, трубу могли свиснуть на вокзале или в поезде. Не успел я убрать телефон, как впереди, на десять часов, раздался не то вой, не то рык. – Вашу мать! Да что ж вы мне проходу не даете. С другой стороны спускаться в овраг и заведомо окружать себя, мне тоже не хотелось. Лады, отступаем! И я повернул в противоположную рычанью сторону. Пройдя знакомый валун, позади, снова раздалось кряканье или рывканье. – Да крутить твой хвост! – На том-самом валуне, который, уже смутно виднелся из-за деревьев, сидела такая же черная бестия, а может и та же самая. Посмотрев себе под ноги и вновь оглянувшись, я увидел, как за валуном мелькнул кончик хвоста. За мной направилась. Что за игры? Куда ты меня загоняешь? Хотя, все ясно, от собак ты меня не спасала, а лишь исключила конкуренцию. А сейчас, ты уводишь меня подальше от надоедливой стаи, чтобы не мешали есть, или с той же целью, обед сам идет к тебе в логово. Паскудство! Хорошо, ваши планы, господа! Свернуть к собакам, и пусть дальше пытается меня отогнать? С собаками конечно больше шансов, но тут расклад немного иной: барбосы измочалят меня в ста процентах, ну ладно, польщу себе, в девяносто девяти, а эта уработает на все двести! Отлично, то есть живьем я здесь не фигурирую! Ништяк, погулять приехали! Лес справа потемнел. В таком буреломе, я если не застряну, то от усталости помру. Ладно, давай вперед, а там посмотрим. По деревьям ты видно лазаешь не важно, иначе бы схарчила меня еще ночью. Но сидеть на дереве до старости, затея так себе. Вздогнув от неожиданности, я выставил вперед палку. Из-за дерева не спеша показалась морда, затем и вся тварь вышла на мою дорогу. Какая же ты все-таки страшная. От черной туши веяло мощью и ужасом, как от танка. Сунь палец и разматывает в фарш. Зверь будто слышал мои мысли и громко клацнул зубами. Я вздрогнул. Полностью черные глаза, пристально смотревшие на меня выражали лишь холодную ненависть и отсутствие сострадания. Свирепая машина для убийства. Развернувшись ко мне, бестия смачно зевнула и как то по собачьи высунула темно-синий, с розовыми пятнами язык. Посмотрев назад, черная понюхала воздух и побежала прямо по ходу моего движения. Сделав пару шагов, она остановилась и оглянулась на меня, будто собака, следящая, не отстал ли от нее хозяин. Бросив короткий взгляд, она снова потрусилась, куда то вперед. Ну что же, как скажешь. Хотя-бы по пути. И я, огибая плотные заросли, двинулся вслед за ней. Черная, то и дело исчезала в чаще, но так же неожиданно появлялась, то справа, то слева. Я даже успел заметить, что она чуть прихрамывает на левую, заднюю лапу. Ага, значит ты, по крайней мере, не бессмертная. Интересно, как ты получила травму. Надеюсь, что не рассчитала прыжок. В противном случае,

мы имеем кого-то, кто тебя не боится, ну или по крайней мере сопротивляется. А это еще одна серьезная проблема.

Дождь кончился, хотя я и не особо промок, но штаны бы просушил. Мину пятнадцать уже идем, и такое ощущение, что кто-то на меня смотрит. Я обернулся, выставив в перед острогу. Хотя кого тут можно разглядеть? Туча давала такую тень, а ветер шевелил все подряд. Изменившийся направление, холодный воздух, дунул мне в лицо и я невольно прищурился. Ладно, надо идти. Еще разворачиваясь, краем правого глаза я заметил приближающееся черное пятно и второй раз зажмурился, понимая, что просто не успеваю ни чего сделать. Наверное, так выглядит лицо перед смертью, будто лимон съел. Зубастая приземлилась в полуметре от меня и обошла слева. Ее грудь вибрировала басистым утробным рыком. Она медленно заходила мне за спину, демонстрируя свой оскал невидимому врагу. Зашибись, а мне-то, что делать? Бедное мое сердце, так часто за один день, ты еще не выскакивало. Черная разворачивалась против часовой стрелки, не переставая рычать, будто кто-то уходил по дуге в бурелом на возвышенности. Хитрожопый урод, значит это не собаки. Этот кто-то знает, что там можно укрыться и даже устроить засаду, а черная, да еще с хромой лапой, будет там уязвима. А шерстяная ящерица, явно не хочет, чтоб меня сожрали. И что ты за тварь вообще? Черная понемногу утихла, и я решил продолжить путь первым, давая ей возможность прикрыть меня от того, кто прятался в чаще. И видимо, правильно все понял. Чуть погодя, черная потихоньку стала меня догонять, постоянно нюхая воздух. Деревья расступились почти моментально, когда я вышел на небольшую опушку, лишь слегка заросшую кустарником и низкой рябиной. В пятидесяти метрах виднелась ржавая водонапорная башня, а справа из деревьев выглядывали развалины дома. Других домов видно не было. Наверное лесничество. Черная вынырнула из-под соседних ветвей и широченными шагами полетела к башне. Понял, понял, видимо пришли. Я обернулся. Стоящий темной стеной лес, из которого я только что вышел, вызвал мурашки. Мне все еще казалось, что кто-то сверлит меня ледяным взглядом. Я сплюнул под ноги и пошел к башне. Черная опустила голову и рассматривала что-то в земле. Проходя мимо развалин дома, я разглядел остатки лодки и фару мотоцикла, выглядывающую из-под упавшей крыши сарая. Видимо, действительно дом лесника. А мне бы патронов... Нет, тут искать больше нечего, все что можно, давно растащили, а что не нашли, придавило крышей. Да и лезть туда опасно.

Черная, тем временем выплясывала странный танец и басовито завывала. Ну прямо собака! И вдруг, из-под земли что-то взвизгнуло со звонким эхо. Мне все стало ясно, и я побежал к башне. У входа в небольшую будку, из белого кирпича, появился настил из досок, а в середине насосной станции зияла темная дыра, в провал которой уходила ржавая труба со следами присутствующего когда-то кабеля. Снизу снова раздался писк, и я осторожно приблизился, чтобы заглянуть внутрь. Черная зарычала, оголив убедительные клыки и наполовину перегородила проход. Я замер. Хорошо, знаю! Ты главная! Все, успокойся! Из насосной снова раздался визг и черная выставив малюсенькие ушки заскулила и заметалась, не решаясь подойти. Ее лапа оказалась рядом с моим кедом, и мне довелось оценить размеры когтей. Я неторопливо поставил острогу к стене и приставил рядом бесполезное ружье. Отсутствие рюкзака вызвало чувство некоего дискомфорта. Запотевшая спина начала мерзнуть. Зато в ногах появилась необычайная легкость. Веревка, а точнее капроновый шнур, который у меня имелся, был недостаточно толстым, что бы выдержать мой вес, да и лезть бы по нему не вышло. По этому, я уже привычно сложил её втрое, и сделал семь узлов через каждые полметра. Металлическая полоса, служившая некогда контуром заземления, выглядела надежно, и я просунул под нее конец шнура и несколько раз, с силой дернул. Держит. Замечательно! Расстегнув разгрузку и сняв толстовку, последнюю, я перевернул капюшоном вперед и завязал рукава на поясище, изобразив, что-то вроде большого кармана. Аккуратно приближаясь к дыре, я увидел, что все не так уж страшно. Дыра на самом деле, это ни что иное, как бетонные кольца, создающие колодец вокруг обсадной трубы скважины и уходящие метра на три в землю. Ранее все это

дело закрывала решетка из арматуры с настеленными сверху досками. Теперь все это валялось внизу, наполовину затопленное темной водой. Преследуемую цель, я отсюда не видел, хотя, уже знал где искать, ибо вариантов было не так уж и много. Сев на край колодца и схватившись левой рукой за борт кольца, я скользнул вниз. Грязь с кеда оставила длинную черту на стенке, и я чуть не "понюхал" бетонный угол. Стропа натянулась, и я постепенно стал переносить вес на нее. Отлично! Одна из половинок решетки упала на конструкцию из металлических уголков и поймала часть остатков перекрытия, вторая, видимо, упала в воду. На всякий случай, веревку я оставил натянутой и лишь поставил ноги на ржавую металлическую балку. А вот и объект поисков! Между двух гнилых досок, шириной с две ладони, над самой водой, лежал белоснежный комок, из которого торчали черный нос и два уголька глаз. Протянув руку, я взял снежок и сразу положил его в капюшон, на случай непредвиденных телодвижений. Комок казался на вид, самым обыкновенным щенком, самой обыкновенной собаки и твякнул, как и положено щенку. Сверху раздалось привычное рычание, перешедшее в скулящее нытье. Да все, все, потерпи! Осторожно, не прижимаясь к стене, я выбрался наружу. Щень был опущен на землю и таким образом вручен родителю. Почему-то, я был уверен, что черная именно женского пола. Бестия схватила белька и величаво побежала в глубь чащи. Вот он, образец делового общения! Ты мне, я тебе, и досвидос. Я, если честно, очень переживал на счет того, что как только, я верну мамаше утрату, как тут же лишусь какой-нибудь, очень важной части тела, а может и нескольких. Что же, похоже сегодня опять повезло, хотя с другой стороны, если бы я сегодня проснулся дома в кровати, то относительно, это тоже можно было бы назвать везением. Хотя кто знает, кто знает... Черная донесла щенка до края опушки и обернулась, уделив мне пять секунд полного скупой благодарности взгляда. А затем, сделав грациозный прыжок, растворилась в тени деревьев. Ну да, ну да, и тебе спасибо! Мне даже стало капельку грустно. Хотя, это скорее всего, тот самый стокгольмский синдром, когда жертва от радости освобождения, начинает испытывать некое чувство симпатии и привязанности к захватчику. И очень похоже на то, почему парни так любят обсуждать тему армейской службы. Хотя, на первый взгляд, что там может быть хорошего? Ведь служба, это эмоции, такая острота переживаний, воспоминания, и не важно, положительные они или нет, их больше не будет.

Уложив веревку, я вернул рюкзак на плечи. Есть не хотелось. О голоде я как-то позабыл, будучи занятым собственным выживанием, а до этого проблемами поиска. А теперь, у меня из головы не выходит образ черной, зубастой пасти. Что за мутанта я видел? Это радиация так повлияла? А еще не стоит забывать о том, кого она опасается. Надо бы сворачиваться с этими всеми делами. Мобильник по прежнему не видит вышки. Ну куда же ты делся? И куда же делся я! Посмотрим. Лесничество, естественно, ни где не обозначено. То есть, я где то ниже и левее Черевача, но, думаю, недалеко. Прикинув ноготь к масштабной линейке на карте, я начал просчитывать расстояние. Хотя толку считать, с чего я решил, что ты попрешь туда? Дым! Костер! Слава Богу, дело сдвинулось! Ветер доносил запах костра с того направления, куда я собирался идти. Отлично, я упрятал карту и перекинул через голову ремень ружья. С острой, я тоже решил не прощаться. А в прочем, если не спешить и подумать, то идея поиска приключений в здешних местах, посещала не только голову, которой принадлежит синяя бейсболка. А народец, как известно, всякий попадается. Посему, ружье, я решил снять, чтобы не копошиться в ответственный момент, а острогу приладил на манер киношных героев, которые одинокие одиночки и странствуют в ночи. Иными словами протолкнул между спиной и рюкзаком. Но почему-то, ружье, которое должно предавать уверенности, как-то пугало и нервировало. Хоть я и знал, что в нем нет патронов, что само по себе безрадостно, но то обстоятельство, что придется побывать в ситуации, где его необходимо применить, как-то не вдохновляло. Я начинал чувствовать моральное переутомление и не хотел сейчас решать, готов ли я стрелять в человека или просто направить оружие. Ладно, хватит соплей, сначала надо разобраться в существующей ситуации и хотя бы взглянуть кто там. Я подходил к опушке со стороны боль-

шого, бревенчатого дома, который, как и все здешние дома, устался на меня пустыми глазами развалившихся окон. Стараясь на всякий случай не выдавать своего присутствия, я начал обходить дом с ближнего ко мне, то есть левого угла. Рваные облака, летевшие с севера, еще более омрачали местный пейзаж. Дождь, который в густом лесу не произвел должного впечатления, здесь оставил заметные следы. Бревна, из которых был сложен сруб почернели, листья под ногами превратились в грязное тряпье, но есть и плюсы: сухие веточки намокли и уже не хрустели под ногами так звонко. За домом проходила песчаная, лесная дорога, а на другой стороне, из невысоких березок торчали огрызки красного кирпича и одинокий телеграфный столб без проводов. Дом, из-за которого я выглядывал, стоял на краю, приличных размеров поляны, некогда, расчищенной от деревьев, хотя сейчас на ней густо разросся молодой березняк вперемешку с ивой. Ветер, в очередной раз, нагнал волну листьев, и из-за развалин показался дым, который я ранее не мог разглядеть на фоне облаков. Вместе с дымом раздался смех с гортанными бульканьями свойственными заядлым курильщикам. Следов на песке я не увидел, хотя они могли перейти дорогу и в другом месте. Выход один – подобраться поближе, но для этого следовало проскочить светлую полоску дороги, а там, мне только транспаранта с рупором не хватает. Потратив еще десять минут на рассмотрение противоположной стороны, я убедил себя, что из-за развалин меня не видно. Согласно лучшим сценариям боевиков, я пригнувшись двинул через дорогу. Пробежав пол пути, я сбавил шаг, как вдруг, из-за развалин вышел человек и направился в сторону, одновременно расстегивая пояс. Пришлось замереть, но вид сделать, будто просто стою. Стою тут с глупым видом как дурак. Человек достал свой причиндал и стал поливать соседнее деревце, при этом смачно откашливаясь и харкая. Продолжая неспешно свой процесс, он слегка выглянул в сторону дороги, которая терялась за поворотом, будто кого-то ждал. И все бы хорошо, но развернуться он решил через правое плечо.

– Че шпилишься, фраерок? Подходи, не стесняйся! Сказал он тоном, будто я тут следующий в очереди. И я пошел. А новоиспеченный знакомый поспешил скрыться за стеной. Лох – это судьба! А судьба у лохов исключительно занимательная! Такой факт я констатировал, пока приближался к лагерю незнакомых людей. Из-за стены с проросшей из нее маленькой березкой, выползал скромный костерок, несколько разбросанных банок и человек сидящий на сложенных в колоду кирпичках. – Здорова, свояк! Произнес сидящий на кирпичках человек, приглаживая засаленные, с проседью волосы. Лицо, как и руки говорящего, были заскорузлые и сильно обветрены, а цвет кожи, как у машиниста. На вид ему пятьдесят пять, но скорее всего это лишь плата за вредные привычки. Оба были одеты в серые телогрейки. У старшего на груди маячил более темный прямоугольник, явно споротой нашивки. Зеки! Сидящий, судя по роже, может пришить без зазрений совести, а второму это будет по приколу. – День добрый. Я на всякий случай решил не присваивать этим двум никакого статуса товарищей, господ или мужиков. Мало ли, каких понятий эти обезьяны навывдумывали сидя в своих клетках. Молодой встал у стены слева и сложив руки на груди, стал рассматривать меня с ног до головы, теребя во рту соломинку и постоянно плюя себе под ноги. Пауза затягивалась и начинала принимать неудобный вид. – Присаживайся, че на ветру маячишь? Мы не кусаемся. Предложил седой, а второй отвернулся, чтобы скрыть ухмылку. Я знал, что если сейчас сяду, то могу попасть в нехорошую историю, которая мне сейчас не нужна, а если нет, то ускорю наступление ситуации к которой не готов. И я сел. – Слышь? А ты че с ружьем-то? Охотник штоль? – Да не гони ты порожняк. Какими судьбами, своячок? Спросил сидящий, отрываясь от увлекательного шевеления углей палкой. – Да вот, окрестности осматриваю, в вагончике целый день сидеть скука, а тут, хоть ноги размять. – В каком таком вагончике, ежели не секрет? – Да ученые тут, неподалеку. И я показал жестом в сторону, откуда пришел. Лагерь у них там. – А ты стало быть недоученный?! – Вякнул

стоявший у стены и закатился дебильным смехом. А я, меж тем, не поддаваясь на провокацию, отметил, что хоть оружия и не видно, но уж больно дерзко ведет себя этот урод, не взирая на ружье у меня в руках. – Да завали ты пасть! Развернувшись, рывкнул седой, и запустил палкой, которую держал в руках, в стоящего недоумка. – Иди вон, дров собери. Танкист, твою мать. И танкист сунув руки в карманы и щерясь гнилыми зубами, прошел мимо меня. – А мы вот, своячок, бездомные. Бомжем вот с товарищем. Товарищ тем временем хрустел ветками у меня за спиной, что я счел категорически для себя вредным. – А у тебя случаем пожрать нет чего? А то мы тут... в общем не рассчитали. – И он шлепнул меня по колену рукой, которая естественно, была в характерных наколках. – Нет, отец, извини. В лагере обед скоро, да и не далеко здесь. На земле валялись три консервные банки, Это навело на мысль, что в лесу прячется еще один, и возможно, он вооружен. Это бы объяснило поведение танкиста. Хотя пойдипойми, как у них тут, может за один присест все сожрали. Танкист, тем временем, подошел к костру и бросил небрежно, несколько, так тщательно отобранных веточек. Значит или полный идиот, или старый его нарочно отправил. И я подбросив принесенные ветки в огонь, пересел правее и ближе к костру. Теперь танкист был слева, и я мог краем глаза контролировать его перемещения, а спину мне закрывал кирпичный треугольник, с чудом уцелевшей дверью, в проушинах которой торчала палка. От кого заперли? – А чего с ружьем-то, действительно?

– Так, мало ли, кто тут водится, а табельное, нам не полагается. Нас ведь военные охраняют, вот и со своим, как говорится. – Ага, ясно, ясно. Ясно ему, теперь пусть голову ломает, что со мной делать. Если оружие и есть, то уже не пошумишь. – А чего они вас охраняют? Чай, не золото добываете? От медведей что ли? И седой, расхохотался булькающим смехом. Хороший вопрос, надо быстро ответить. – Ну, как вам сказать. В нашей группе есть и иностранцы, а возможные конфликты могут... – А с кем тут конфликтовать, с медведями? – И седой, вновь залился смехом, давась и кашляя. – А сам то, чё там, у них делаешь? Начальник небось какой? – Да нет, техником числюсь, всякая работа бывает. – А бабы, бабы там есть? Ну, понимаешь? И он очертил в воздухе две окружности. Сноп красно-желтых искр выскочил из моих глаз и я подался вперед, оперевшись прикладом. Затем кто-то дернул за ружье, но я не только не потерял сознание и не упал, а умудрился вцепиться и не выронить оружие, еще в момент удара. – Стоять, ссуки! Стой, ублюдок! – Я вздернув стволы, ткнул их танкисту в нос. Во рту начал чувствоваться вкус крови от прокушенной губы. Танкист вздернул руки, а потом мерзенько улыбаясь, начал медленно их опускать. – Фраерок! Дуру брось! Раздалось из-за спины. Я сделал шаг назад и полуобернулся. Мне в лоб пристально смотрел черный глаз пресловутого ПМа. И я бросил, так как другие варианты предательски не появлялись. – К стене. Я сделал шаг назад. Танкист присев, с опаской взял ружье и отошел. – Уу, сучара! Хана тебе! Он прицелился мне в ногу и выжал спуск. Садист херов! Щелк! Феерический болван! Даже не проверил оружие. – Угомонись, баклан! – приказал старший, но разгневанный придурок, продолжал выяснять, как открыть стволы, кряхтя и хрюкая, как натуральная свинья с психическим расстройством. Когда ружье поддалось, он сунул руку в карман и достал три знакомых мне предмета. Два патрона этот кретин, умудрился уронить, а третий никак не хотел проходить в ствол. – Ну все, падла! – Старший схватил его за грудки и с силой швырнул в сторону. – Ну ты вообще безмозглый, танкист, твою! Тот, выронив ружье, покатился в грязное месиво. – Ты уж прости, фраерок. Обратился ко мне зек. – Но фуффло твое не канает. Нет там никаких ученых. Давай, скидай шмотье. Стоять! Нука, обшмонай его. И оскорбленный, на моих глазах гопник, принялся меня лапать. Нож и топор он тут же сунул за пояс. – Не дергайся бя! Убедившись в пустоте моих карманов, старший вынул палку из проушин и открыв дверь, придал мне ускорения. Инстинктивно выпрямив руки, я полетел в черный проем подвала.

Как говорится, вся жизнь перед глазами пролетела. Нет, ничего у меня не пролетало. Я просто зажмурившись ждал, когда влечу головой в стену или переломаю ребра, о какую-нибудь

трубу. В итоге, я сделал эффектный кульбит и наверное еще пару фигур, прежде чем брякнулся на спину. За шиворот ссыпались холодные крошки. Дверь за спиной ржavo скрипнула и свет полностью пропал. Я покрутил руками вокруг: пустота, грязный пол, кусочки стекла. Пахнуло сыростью и землей – В угол не ходи. – Раздался знакомый, но искаженный голос. – Сид, зараза! Ты как? – Не очень чего-то. – Подстрелили? – Да не подстрелили, успокойся. – А в углу то, что? – Посидишь, поймешь. Мне бы воды. Или отобрали? – Да, все в рюкзаке. Там и воды-то, полбутылки. – Суки. Тебе повезло еще. А меня здоровяк обработал. Все отбил, ублюдок. Мммм.. – Я понимал, что помочь сейчас ничем не могу. Да и какую помощь можно оказать при ушибах? Приложить холодный компресс? В ледяном подвале? – Какой здоровяк? – Ты его не видел. Его старший ночью зарезал. Они не поделили что-то, бык ствол достал, начал угрожать. Старый дуручка включил, а потом горло ему перерезал, да так ловко, что тот и сделать ничего не успел. – Они вообще кто? – Я не знаю. Урки какие-то. Столкнулся с ними здесь, как и ты. – Ты какого хрена меня не дождался? Пришел, – палатка пустая. Я там, в лесу такого насмотрелся, не поверишь! Собаки чуть не порвали. А проводник где? Давай, рассказывай. Эээ! – Я нащупал его плечо и потерял. – Что с тобой? Да не молчи ты? – Тут я, устал просто. – Ну, надо думать. Почему меня не дождался, говорю, что случилось? – Ты ж не поверишь все равно. – Дай угадаю. Здоровенная, черная тварь? – Какая тварь? – Ладно, тогда рассказывай. – Ближе к ночи пришел проводник, договорились, что завтра ждем тебя, вечером встречаемся и в путь. Выпили слегонца, он рассказал, какие тут дела, что да как. Затем шум, солдатня, с собаками, техника какая-то проехала. Одна группа отделилась и побежала к нашему костру. Мы не дожидаясь в лес рванули, там оторвались сразу. Те вроде и не за нами бежали, но мы решили не рисковать, и там пересидеть, в ближайшей деревушке. Потом туман вылез непонятный, чуть друг друга не потеряли. Проводник сказал, что идти недолго, а в итоге, выбрались только к рассвету, всю ночь шарились. – Я тоже ночью туман видел и никак деревню найти не мог. На дереве ночевал. Мало того, ночью какая-то тварь приходила и когти точила. Я спал, правда. – Мои глаза наконец привыкли к темноте. Узкий луч света, пробивавшийся из щели, позволил разглядеть осунувшееся лицо молчащего Сида с распухшей скулой. – А потом появилась эта штука. Было еще темно, когда мы в деревню зашли. Стали искать подходящий дом, чтобы передохнуть. Зашли на крыльцо, а там эта тварь. Она будто из воздуха материализовалась. Здоровенный урод. Как баскетболист в водолазном костюме. Мы встали как вкопанные, растерялись от страха. Он дернулся, а Юра в него выстрелил и сразу еще раз. Потом, мы побежали. Сами не знали куда деться. Просто инстинкт, наверное. Нырнули в дыру какую-то. Юрка наугад палил. Решили сваливать обратно. Впереди трава зашуршала, и мы стали светить фонарями по сторонам. Он кругами ходил. В темноте. Пару раз глаза блестели. Юрка выстрелил еще раз, а потом эта тварь его схватила, прямо за горло, и подняла одной рукой. представляешь? Я оттаскивать его начал, за патронташ. Фонарь уронил. И эта тварь меня лапой оттолкнула, чуть ребра не сломал. Юра последний раз выстрелил и затих. Урод ему походу шею сломал. Темно стало, я слышал, как он сопит, как кости хрустят. Думал, от страха сознание потеряю. А потом побежал. Долго бежал, пока в реку не свалился, решил переплыть. И потом все никак остановиться не мог. Ну и этих встретил. Там уже плохо помню. Я твой звонок услышал, представляешь, как разволновался. Я в яме, ты меня ищешь, тут эти... Не предупредить, ни чего.. – Ааа! Вот почему они на мой рассказ не повелись, рожу мою на телефоне увидели. – Слушай, ты прости меня, за то, что я тебя втянул. – Нет, уж поверь, я за это утро уже раз двадцать об этом успел подумать. У меня своя голова на плечах. Конечно, на такое я не рассчитывал, но и ты ,я думаю, тоже. Теперь бы вылезти отсюда. А еще с тебя пиво! – Сид ухмыльнулся, но как-то безрадостно. – А если этот, водолаз твой, сюда придет и перемочит тех наверху? Как нам тогда быть? – Никак. Никак нам тогда не быть. Мне больше интересно, зачем мы зекам нужны. И думается мне самое нехорошее. – Раз не убили, значит, нужны, и в принципе, не важно зачем. Я кстати кепку твою нашел и жилет. – Да, спасибо! Пойду, попрошу их вернуть! –

И Сид бросил камушек, который теребил в руках. – Как себя чувствуешь? – Да нормально, есть только хочу. Че делать то будем? – У кого нет приделывать. Подумать надо. Танкиста вырубить – не проблема. А вот дед этот, хитрожопый. – И ствол у него. – Вот и хер то, а теперь еще и ружье. Сколько в патронташе осталось? – Штук семь, думаю. – Жопа нам. – Потрясающая дедукция, – воскликнул Сид. – Слушай! Чего-то они там разговорились? Пойду, послушаю. – Оттолкнувшись о его колено, я пригнув голову, полез вверх, по развалившимся ступеням. Сид остался сидеть внизу, вытянув ногу и прислонившись спиной к холодным кирпичам. Поднявшись и убрав паутину, я ткнулся лбом в ржавый косяк, едва позволявший мне рассмотреть спину человека с ружьем. – Старый валить куда-то собрался! – В смысле? – Раздался шепот из глубины подвала. – Говорит второму, чтоб тот, здесь остался и за костром следил. Все, пошел. Может, типа, воды попросим? – И че? – И лука мешок! – Я тут с ночи сижу и ни глотка! – А ты просил? – Да иди ты! – Сейчас, он один, и тупой как пробка. – И с ружьем! – Оно у него за спиной болтается. – Так он его сразу сбросит, как ты постучишь. – Твою мать, сюда идет! И я на сколько мог, быстро спустился вниз. Было слышно, как он вынимает палку из проушин. Затем дверь громко скрипнула, и вокруг стало ярко. Видимо сидя здесь я уже отвык от громких звуков, а мой товарищ заслонило лицо рукой. – Ну че, гаврики, выходи по одному! Донесся сверху противный голос, а мне почему-то вспомнилась знаменитая фраза «А теперь горрррбаты!».

И мы неохотно встали, нарочно замедляя каждое движение, чтобы дать себе время сориентироваться в ситуации, и хоть что-то предпринять. – А ну бегом, сука, ускорились. – Ружье он конечно же скинул, но держал за цевье – отличный шанс. Вот ублюдок уже тянет ко мне руку – не терпится швырнуть меня на землю, что бы теперь он смотрел как я валяюсь в грязи. Хитрая сволочь, увел ружье подальше, да и Сид сзади – зацепить может. Жесткий сапог впечатывается мне в спину, и я лечу на влажную землю. Следом появляется жмурящийся Сид и тут же падает рядом. Я конечно нарочито упал, дабы не нервировать этого гремлиина и не ускорять события. Пусть наслаждается. – Встали! ВСТАЛИ, Я СКАЗАЛ! Кровь в висках так шумела, что мешала думать. Видимо кому-то придется просто броситься на него. Просто броситься. Броситься на ружье, которое, скорее всего, не даст тебе даже подойти. Лысый гопник вперился в меня взглядом разъяренного быка и быстрыми шагами двинулся ко мне. Черный овал приклада мелькнул перед лицом, красная вспышка и жгучая боль отразилась в правом ухе. Мммм, ненавижу, когда попадают в ухо. Очень резкая боль и я обычно зверею. Но урод тут же поймал меня на мушку и ткнул стволы в нос, так-же, как и я ему пару часов назад. Ишь, злопамятный какой. А вот сейчас пора! Я приготовился вцепиться в дуло и рвать обидчика, как справа раздался хруст веток. Все инстинктивно повернулись на звук: через мелкие деревца, уходя с дороги, бежал, как мы с Сидом уже решили его называть, "седой" и махал зажатым в ладонь ПМом. Лицо танкиста приобрело растерянный вид, и он начал быстро вращать своей "башней", между нами и бегущим. Внезапно, над нашими головами, что-то пролетело и с жужжанием удалилось в лес. Мы с Сидом одновременно посмотрели друг на друга с открытыми ртами. – Уходим! Хватай этих и валим! Засада там! Танкист, не поворачиваясь к нам задом, попятился к кострищу и выволоч из-за бревна оба наших рюкзака. Седой залетел на поляну с красным лицом и заходясь от напавшего кашля, принялся быстро водить руками между нами рюкзаками и противоположным леском. Будучи не в силах выдавить из себя и слово, он молча сгреб рюкзак и схватив за шиворот Сида рывком отправил его в нужном направлении. – Текаем, быстро! Валим, валим! – И танкист, последовав примеру старшего, схватил рюкзак и мотнул ружьем в сторону. Через несколько секунд мы уже мчались через заросли молодых березок и густого ивняка. Где-то впереди, то и дело раздавались возгласы седого, то ли распоряжения, то ли проклятья, разобрать было невозможно. Над головой вновь просвистело и из ближайшей березы выбило приличный кусок. Теперь сомнений уже не оставалось – в нас стреляют, и причем наличие заложников стреляющих нисколько не смущает. Танкист пыхтел как паровоз, ему явно не хватало воздуха, к тому же мой рюкзак, который он не успел хотя бы перекинуть через голову, все

время соскакивал с плеча. Земля под ногами стала заметно чавкать, что само по себе осложняло передвижение – видимо мы приближались к болоту. Он резко остановился и выстрелил не целясь. Впереди, справа показался небольшой просвет с проблесками воды. Я начал принимать левее, дабы не оказаться на относительно открытой местности, но танкист толкнул меня, вернув на тропу. Он уже порядком измотался и сильно сбил дыхание, когда рядом просвистели еще несколько пуль. Одна из них, с рикошетом, бешено зажужжала и умчалась дальше в лес с сумасшедшей скоростью, срезая листья и мелкие ветки. Когда слышишь такой звук, то начинаешь отлично осознавать, что с тобой будет, если встретится с такой штукой.

Видимо танкист, тоже подумал об этом и несмотря на изнеможение, резко ускорился обгоняя меня. В одно мгновение, я потерял равновесие, и резко наклонившись вперед, начал хвататься руками за все, до чего мог дотянуться, включая бегущего уголовника. Могу поспорить, что лицо мое в тот момент было такое же, как когда на меня неслась в полете черная бестия – правильно, будто съел лимон. Удара о стену желтых листьев не произошло. Вместо этого, я во второй раз за день, оказался в холодной воде. Потратив долю секунды на осмысление произошедшего, я резко рванул то, за что успел схватиться и высунулся из воды. В руке оказался ремешок ружья, все еще прикрепленный к нему со стороны приклада, а на еле заметном бережку распластался танкист с черной от липкой грязи рожей. Видимо предпочел удержаться ружье, во что бы то ни стало, чем защитить лицо. Ну, собственно и правильно. Я схватился второй рукой и дернул, что было сил, но в виду отсутствия опоры, толку особого не было, к тому же руки оказались полностью в грязи и коричневый ремешок начал предательски ускользать. Танкист лежал на спине и одной рукой держался за ствол. Моментально оценив ситуацию, мы оба принялись яростно пытаться отобрать друг у друга ружье. В какой-то момент, мне удалось уверенно ухватить его за приклад левой рукой, а кончики пальцев на правой дотянулись до спусковых крючков. Я дернул сразу оба. Ружье выстрелило. Отчетливо запомнил как разлетелись ярко-желтые листья, облепившие грязную голову. Никаких, – умри, мать твою! Или – сдохни убудок! Мне просто повезло больше. Вот и все. Посидев еще секунду на коленях, тело танкиста накренилось вперед и рухнуло в воду. Плотный ковер желтых листьев медленно затянул темное пятно. Не тратя время на размышления, я решил оставить свою позицию, но у ситуации были на этот счет другие планы. Жижа скрывающаяся под тонким слоем воды, так сильно затянула мою ногу, что я потеряв равновесие, взмахнул руками. Десять секунд. Мне ни за что не выбраться так быстро, а ровно столько осталось до появления здесь людей с оружием. Я сделал еще одну попытку, что бы хоть как-то приблизится к твердой поверхности. Быстро, но аккуратно вытянув из толщи ружье, которым было весьма удобно отталкиваться, я открыл стволы и извлек гильзы. Если я, когданибудь отсюда выберусь и мне доведется нырять с аквалангом, то именно эта сцена всплывет у меня перед глазами. Подтянув к себе тело танкиста, я просунул ему под одежду сложенный приклад, а сам, сунув дуло в рот и сделав несколько глубоких вдохов, поджал ноги. Плавающие на поверхности листья, быстро сомкнулись надо мной и я оказался в мутной, ледяной тьме. Представил, как поперхнулись табачным дымом Кобейн с Кусто, но смешного было мало. Секунды тянулись мучительно долго, ноги и кисти начали потихоньку ломить, а все остальное жгло от холода. Я попробовал тихо выдохнуть, так, что бы стоящие наверху не услышали, если они конечно же там стояли. А вот вдохнуть оказалось гораздо сложнее, чем я ожидал. Я бы сказал, практически невозможно, за исключением тех моментов, когда вам пустят пулю в лоб. Диафрагме едва хватало сил втянуть воздух. Вместе с неудачной попыткой, в рот попало немного воды, которую, я оценив как меньшее из зол, решил проглотить. Вы пробовали глотать с открытым ртом, как например у стоматолога? Тотто! Секунд двадцать, думаю, прошло. Кстати, менее двадцати четырех часов назад, я сидел в автобусе и попивал прохладную фанту. А сейчас... Над головой раздались шлепки, и тело танкиста немного понесло от берега, вместе с этим я хлебнул еще вкусной водички. Интересно, зачем они стреляют в мертвого человека? Я вжался в тягучий ил и замер, на столько, насколько

это было возможно. Так, господа, не толпимся, проходим, проходим! А черт, надо вылезать, а не то, испытаю все прелести переохладения, да и сил терпеть уже не осталось.

Тем не менее, я убедил себя не выдыхать как кашалот и постараться выглянуть из-за плавающего танкиста. Но тело, получив столько пробоин, уже скрыла вода. Из-за грязи и плавающих на поверхности листьев, всплывая, я даже не мог видеть, есть ли кто на берегу. Протерев глаза, я понимал, что то, что я сейчас увижу, в очередной раз, напрямую, зависит от случая. Сделав спокойный, но глубокий вдох я поднял глаза. Никто в меня не целился. Справа в чаще, раздался гулкий хлопок, похожий, на то, как если бы ребенок наступил на пустую упаковку из под сока. С соседних деревьев, взлетели черные каркающие тени. – Да пусти же ты! – Меня уже так колотило, что я не намеревался провести здесь ни одной лишней секунды. Еще раз уперевшись ружьем, я дотянулся до плавающего тела и засунул ему руку во внутренний карман. – Верни ка! Оттуда я извлек нож, а топорик вытянул из под ватника. В других карманах отыскались наши мобильники и размокшие сигареты. Когда с восстановлением справедливости было покончено, я решил окончательно втоптать в грязь своего обидчика и причем сделать это в прямом смысле! Ткнув стволом, я притопил тело и использовав его как упор, попытался освободить ноги. Левая поддалась сразу и наступив на труп уловника я рванул правой, постаравшись не отдать трясине свой кед. Болото булькнуло, приняв обмен, и я смог свободно подтянуться к относительно твердой земле. Хух! Все! Хотя, что там все, теперь не попасться бы. О! Мой вещмешок! Интересно, побрезговали или не заметили? Не повторяя ошибки танкиста, я сразу накинул ляжки на плечи и решил взять левее и ближе к густым кустам. Мокрая обувь предательски хлюпала, а вся одежда стесняла движения. Я уж не говорю про остальные ощущения от подобной прогулки.

Долго искать не пришлось, голоса и треск веток, раздались как-то внезапно, и мне захотелось поскорей уйти с дороги этих ребят, да только пространство слева и справа не предоставляло такой возможности, а идущие двумя колоннами фигуры уже были хорошо видны. Я еще раз покрутил головой и удостоверился, что кустарник, в тени которого я находился, – самое лучшее, на данный момент укрытие, ну или единственное. Ладно, рыпаться в любом случае уже поздно, попробую затаиться здесь. Короткими движениями, я, по быстрому, набросал на себя листвы и замер. Обратно, группа двигалась тем же маршрутом, впередиидущий держал в руках планшет, а остальные двигались за ним, будто шагали по минному полю. Неужели они их прикончили? Что за хлопок? Граната? Если нет, то почему только один выстрел? Форма без каких-либо опознавательных знаков, вы кто такие? Как бы в ответ на мой, немой вопрос, один из них, шедший замыкающим, бросил взгляд в мою сторону. Казалось, он смотрел мне прямо в глаза, и я, хоть и знал, что меня не видно, все равно изрядно труханул. Так и есть, скользнул взглядом по всем зарослям и отвернулся. Смотри ка, все с рюкзаками, из далека, что ли? Или на долго, видимо поисковая операция могла затянуться. Похоже, узники имели большое значение, вот не подумал бы. Пожалуй, достаточно далеко отошли. Покинув убежище, я поспешил в противоположном от группы направлении. Слегка согревшись от пробежки, я выскочил на край пятачка заросшего папоротником. На другом краю поляны, пошатываясь, стоял мой товарищ. Присев за стволом дерева, я на всякий случай осмотрелся.

– Пс! Э! – Он сделал пол-оборота, и мы оба вздрогнули. Все его лицо, вся одежда, были в крови, место где он стоял, трава и листья были словно орошены кровью. – Это я! Ты чего? – Взглянув на себя, я понял, в чем причина его сомнений, – весь черный от грязи и в налипших листьях – как есть кикимора! – А эти где? – Ушли. Мне так показалось, что они про нас и не знают. – Я сделал шаг в его сторону, но он остановил меня жестом. – Стой, где стоишь! – Что случилось то? – Не знаю. Все что осталось от зека. И он не отрывая взгляд от кровавого круга, показал мне обе ладони. – А вон один из этих. Выглянув из-за дерева, я увидел такое же пятно, в десяти шагах от меня. –Эх ты ж! – Меня чуть не стошнило – та же картина, но ближе и более "детализированная". Куски амуниции с остатками хозяина. С веткок, словно

елочные украшения свисали бледно-розовые куски. Из ствола березы виднелся впечатанный в него, искореженный автомат. – Какой план? – Не знаю, подожди. – Сам как? – Да нормально, вроде. На метр бы левее и все. Рядом лежал бы. Сид покрутил вокруг головой, выискивая что-то, затем поднял подходящую, на его взгляд ветку орешника и медленно начал приближать ее к центру образовавшегося круга. – Ты чего делаешь? – Сам не знаю, смотри. Конец палки будто отталкивало от центра к краю. – Что это? – Первый раз такое вижу! Мы бежали, этот урод, на полшага впереди был и левее, через бревно перепрыгнул, и его будто в один миг раскрутило, я и разглядеть толком не успел, а потом, как взорвалось что-то, точнее, это все в один момент произошло. Я сразу "вспышка слева" и лицо руками закрыл, посекло чем-то. Сперва, решил, что эти типы из чего-то жажнули, гранатомет, или что там у них, не знаю. В землю вжался, то ли бежать, то ли что? Пока провалился, они уж тут как тут. Первый почти ко мне подбежал, а потом своим замереть приказал. Я только краем глаза видел, как один из замыкающих на месте взорвался. – А хлопок, почему один был? – Не знаю я, у этого не хлопнуло. В общем, командир их скомандовал, отходим, мол, и выругался. Я так понял, они не сильно удивились такой штуке, не в первый раз, по ходу. – Хрена ссе! – А ты то как? Второй где? – Потом расскажу. Я поднял горсть веточек и бросил в ближайший ко мне круг. Ни чего не обычного не произошло. Сид тем временем сломал свою жердь на три части и начал бросать палки в разные сектора. Обе палки пролетели как и положено, – сбив пару папоротников, упали в листья. Третью он бросил мне на встречу, – тоже ничего особенного. Наблюдая за его шаманством, я припомнил, как отклонялся конец ветки и решил сломать себе такую же, но подумав о том, что треск могут слышать, решил подыскать готовый продукт. Поводив перед собой, я швырнул обратно палку Сида. Тоже ничего. – А об этом, проводник твой ничего не говорил? А то, зайдите сюда, сходите туда, ой, забыл сказать, не взорвитесь на ровном месте, ко всем чертям! Я к тому, что можно не предупредить человека, чтоб он мухоморы в лесу не ел, но о таком-то, как можно не сказать? – Да, не говорил он ничего. Может и сам не знал. Тем более он со старателями не часто общается и людей водит до ближайших деревень. Там меньше шансов на фон попасть. – Что еще за старатели? – Я так понял, не Старчиков, далеко не первый, кому в голову пришла идея шариться тут. Там целый лагерь есть. Мужики на одну-две недели приезжают, занимаются поисками. Всякий народец. – Там это, где? – Черевач. Слушай, домой нам надо. Это все круто, конечно, но у меня уже крыша ехать начинает. За всю жизнь, я столько не рисковал, да и вообще столько приключений никогда не было. Я не думал, что попадем тут так. Знал бы, никогда бы не полез. Все это время, я переживал те же чувства, мне тоже было не уютно, от осознания той, сумасшедшей опасности, которая постоянно гуляла вокруг нас, от того, что нельзя было нажать паузу или выйти из игры, от того, что каждый раз закрывая глаза, я открывал их все в этом же месте. Да что там, неуютно, мне было откровенно страшно. Просто все происходящие события, случились так быстро, будто высыпались на голову из ящика Пандоры, я и напугаться, толком не успел. И сейчас, глядя на своего товарища, я видел, как постепенно он начинает терять контроль, как ускользает рассудок, и мне очень не хотелось увидеть, как он сломается. Но, тем не менее, его разрастающаяся паника привела меня в чувство. – Ладно, соберись! В лагерь нам надо. – Что? Сид вытворил такое выражение, будто я предложил ему сыграть в русскую рулетку, используя однозарядный пистоль. – Это же еще пару километров в глубь, и Бог знает сколько мы тут еще пропутляем, а у нас еды нет. Нам обратно надо! – **МЫ НЕ ДОЙДЕМ!** – рявкнул я, на секунду позабыв о безопасности, после чего, Сид растерянно замолчал. – Там несколько сраных стай собак, и даже, если нам очень повезет прорваться, то нас прикончит этот твой водолаз. Но скорее всего, собак мы не увидим, потому что, первой нас сожрет страшная, черная тварь, размером, с мать его, медведя! Мы идем в Черевач! И скажи мне, куда этот лысый дебил, засунул патронташ? – Он по карманам все рассовал, боялся, что старый отберет. Наверное. – Буркнул он через плечо, по всей видимости, выражая протест принятому мной решению. – А куда ж он их дел? В карманах у него пусто было. – Сид

посмотрел на меня взглядом, в котором проскользнула нотка отчаянья. – Я ни в коем случае не собирался тыкать его носом в тот факт, что поход в зону, был полностью его идеей, и раз уж я подписался, то и ответственность несем мы оба поровну. – В общем, оружия у нас тоже нет. О, кстати! – Я достал наши сотовые и отдал Сиду его собственность, принялся извлекать аккумулятор. – Хрен с ним, пусть в рюкзаке лежит, глядишь, высохнет. Пить будешь? – Да, спасибо! Эта последняя? – И единственная. Сид сделал три больших глотка, и явно не напившись, отдал мне бутылку. – А сам чего? – Я напился уже, спасибо – ухмыльнулся я, и затолкал бутылку в глубь мешка. – Тут, кстати, шмотки наши, держи жилетку свою. Так, это тебе. Это мне. Это опять тебе. Это обратно тебе. Это все время тебе.

Не, я такой фасон не ношу. Для поднятия боевого духа, я начал пародировать адъютанта Попандопуло. – Жилетку мою, падла, смял. Как из жопы. Хорошо хоть на себя не напяливал. На вот, не теряй больше – я протянул ему его синюю кепку. – Спасибо! Вернув на место большую часть своей снаряги, я накинул лямки изрядно опустевшего вещмешка. – Перекусим когда дойдем. Потопали в деревню! Подняв с земли палку, Сид бросил его в предполагаемом направлении движения. Пространство между двух берез, с ощутимым хлопком, заполнилось древесной трухой, подняв при этом ворох листьев. Сид посмотрел на меня с выражением, дескать, а я говорил! Я помню эти первые репортажи после взрыва, трясущиеся кадры очевидцев, мнения экспертов. Позже что-то говорили о подобных явлениях, но я тогда был занят баром. Подняв еще одну палку, я повторил эксперимент, но в этот раз, сложный, лабораторный инструмент, подчинился старым, добрым законам Ньютона, точнее сказать, более привычным. Контрольный бросок, подтвердил результат. Подойдя ближе с длинной веткой на вытянутой руке, я осторожно бросил кучку листьев – все как обычно. Идею пройти между берез самому, дабы выяснить таковую возможность, я счел не самой удачной. – Идем друг за другом, будут сосны, шишек наберем. Я обошел круг оголившейся земли и двинулся вперед, вода перед собой веткой орешника как металлоискателем. Вздохнув, мой товарищ осмотрелся и пошел вслед за мной. – Вещей много в рюкзаке было? – Да, так, барахло, в основном, нечего жалеть. Сами живы и хорошо! Еду они все равно сразу сожрали. Дозиметр, если только пригодился бы. А про какую тварь ты говорил? – Как ты сказал? Все равно не поверишь? – сказал я с улыбкой, припоминая Сиду его слова. – Вела меня практически от самой границы. От собак спасла, ну... я так считаю, что спасла. Похожа и на волка и на кошку одновременно и немного на ящерицу. И кожа очень интересная, местами как бисер. – Я смотрю, вы там прямо подружились. – Я её щенка спас. Так что, у нас чисто деловые отношения. Слушай, больно много тут уродов, на душу населения в час. Проще всего конечно поверить в открытие адских врат, но что-то с трудом. Уж очень те brave парни на архангелов не похожи. – И командир у них богохульник! – Подыграл мне товарищ. Очередная палка полетела по курсу нашего движения. – Коллега, скажите, а этот ваш, ммм... как вы выразились, водолаз, какими габаритами обладает? – Слушай, Ник! Там все-таки человек погиб! – Ладно, прости. Я просто, чтоб разрядиться немного. – Высокий он, метра два, с лишним. Не знаю, темно было, и перепугались мы. А он еще как хамелеон какой-то. Вспомнив события минувшей ночи, Сид вновь занервничал и стал хлопать себя по карманам. – У танкиста они, и размокли. Я выбросил. А еще, я тут заметил, пока палкой собак отгонял, что курение в здешних местах, может явиться причиной преждевременной насильственной смерти. Слушай, братан! Я конечно озабочен твоим душевным здоровьем, и не хотел бы тебя расстраивать рассказом, о том, как мы с черной прогуливались по здешним угольям, но за нами явно кто-то шел! Она кого-то чуяла. Кого-то опасного. И признаюсь, мне делается очень страшно, когда я начинаю представлять того, кто бы мог так озадачить эту зверюгу! Ты эту тварь видел, так что, посматривай по сторонам. С этими словами я резко остановился, и Сид влетел мне в спину.

Мысленно, я естественно обозвал его не иначе как «следопыт хренов», но сейчас мы оба с интересом рассматривали резко изменившийся пейзаж. Грунтовая дорога пересекала наш путь

и терялась в густом тумане, который как гигантская гусеница, медленно волочил свое тело на другую сторону. Через дорогу, на сколько, позволяла пелена, тянулся заросший темно-коричневым бурьяном луг. – А чего вороны так разгалделись? – Пади, спроси. – В таких местах, про зомби апокалипсис снимать, самое оно. Пошли! – Сид! Стой! – Да чего? – Я указал ему пальцем на следы протектора на влажной земле. Он посмотрел на меня, дескать, и что? – Я так, подумал, вряд ли это может быть хорошо. Просто, если что – в кусты. – Договорились. Ему явно стало стыдно за свою слабость, и он решил всячески это дело искупить. – Эй, смотри, там будто стоит кто-то. Сид говорил шепотом и указывал на странный силуэт, проступающий в сплошной белене. Мы сгруппировались к правому краю и сбавили и без того медленный шаг. На встречу, нам выплывал знак радиационной защиты с облокотившейся на него толстой веткой бурьяна. – Тьфу ты! – Суши штаны, воин! – На свои посмотри! – Тем не менее, ржавый знак на фоне тумана и мокрых ковылей, смотрелся действительно устрашающе. Мало того, приближающийся вороний галдеж, должным образом усиливал атмосферу.

Мы до того напрягли слух и внимание, что не приведи леший, рядом чтонибудь хрустнет – инфаркт и мгновенная, дефекация. Внезапно Сид замер, и я тут же увидел причину остановки. В луже, разлившейся на нашем пути, проступали четкие очертания вдавленной сферы. – Смотри! – Вижу! Вода, будто срезана. В довершение к увиденному, Сид припел, чисто русскую форму выражения эмоционального всплеска. Я в отличие от товарища, нужных слов не подобрал, а лишь молча наблюдал, как дрожит срезанная гладь, будто рядом работает мощный электродвигатель, установленный на фундаменте. Сквозь срез было хорошо видно и нижний, темный слой грязи и верхний, светло-зеленый слой воды. Кусты вокруг лужи были забрызганы грязью. Подобных явлений, я в своей (уже кажущейся мне дико скучной) жизни никогда не встречал, как скорее всего и подавляющее население нашей планеты. Иначе, благодаря любви к научным телепередачам, сей феномен был бы мне давно известен. – Вот это да! Давай палку бросим! – все никак не успокаивался мой друг. – Эта штука явно больше тех, что в лесу. Представь, если она хлопнет, те ребята нас тут же вынесут. – Верняк, давай обходить. Брось её вон туда.. – Мы одновременно увидели, как в тумане мелькнули очертания грузовика.

Потратив несколько секунд на движение возле автомобиля, Сид размахнулся и запустил ее, подобно ракушке брошенной над водой. Палка упала, и в воздух взлетело две дюжины каркающих ворон. Некоторые, видимо особо наглые, продолжили беспрепятственную возню. – Там трупы – предупредил я своего впечатлительного спутника. Из тумана стали появляться контуры белого фургона. Вместе с ним, на влажной траве я увидел то, что уже ожидал. – Наши зеки не бежали за периметр, чтобы спрятаться здесь, они пытались сбежать отсюда. – Но Сид все уже понял сам: тела, изувеченные останки с застывшими гримасами неожиданности и ужаса. Лики смерти. Такие, какие они есть. Сид невольно отвернулся и прижал рукав ко рту. Некоторым, вороны успели выклевать глаза. Серые лица, бледно-розовые внутренности, грязная, мокрая одежда. – Это автозак. Похоже, налетел на пузырь. Смотри как кузов разворотило. Будто изнутри взорвался. Я подобрал нашу палку и бросил внутрь кузова. Оттуда вылетело, теряя перья еще три вороны. – Ох, фу! Внутренности кузова были заляпаны серыми ошметками и спекшейся кровью. – Смотри, а этому помогли. Сид склонился над телом конвоира. – Дай угадаю, горло перерезано? – Седой! И табельного нет. – А у остальных? – У остальных, частей тела нет, для ношения кобуры, точнее у одного. А от второго, вообще, только лоскуты остались. С водителем и так все понятно... сам видел. – Похоже, даже не успели понять, что произошло. Я подцепил ружьем папку и подтянул ее к себе. – Глянь, какая сила у пузыря – кардан гнутый! – Мне больше интересно, что они тут забыли? Все эти люди смертники. Девятнадцать человек. Куда их везли? – В угол поставить. Слушай, давай свалим отсюда. А то появится кто, объясняй потом. Я засунул бумаги в папку и бросил ее обратно в машину. – Тех, кто мог появиться, мы уже видели. Хотя, в прочем, ты прав, могут и еще подойти. Где

там твоя деревня? – Не, ну у кого карта то?! – Я отжал воду с низа штанов и стряхнул капли. – Пошли, я и так помню.

Глава 2.

Далекий лес затягивал красное солнце так же, как сутки назад. Асфальтовая дорога, по которой мы шли, мало-помалу, поднимала нас над деревьями, которые, в свете уставшего за день светила, становились сине-черными. Теплый воздух, поднимающийся от светло-серых остатков дорожного покрытия, засыпанного крупными песчинками, досушивал, по разным поводам мокрые штаны. Поляны по обоим краям насыпи, в отличие от вчерашнего дня, уже не казались мне неплохим местом для жарки шашлыка. Взгляд невольно скользил меж стволами, выискивая движение, разговоры стали тише, а тело, которое уже несколько часов больше походило на плаксивого ребенка, все же мобилизовало остатки сил. Как и вчера, в это же время, мой нос улавливал запах костра, но связанные с этим ассоциации имели уже иной характер. Единственное, что оставалось неизменным, это присутствие людей возле огня. Сверху, дым был хорошо заметен. Он лениво расплывался над самыми верхушками, выдавая с потрохами своего прародителя.

– Пришли, я так полагаю?!

– Да, похоже, это лагерь. Давай по той тропинке.

– А он не сказал, к кому тут обращаться?

– Нет. Не успел.

– Ну ладно, тогда улыбаемся и машем.

Вид с насыпи позволял насчитать порядка тридцати домов в разной степени обветшалости.

Крутоватый спуск заканчивался ржавым остовом ЗИЛа с нетронутыми пятнами зеленой краски. Отсюда начиналась главная улица, упирающаяся в заросший сад. Людей видно не было, хотя трава была изрядно примята и местами даже вытоптана. Кое-где попадались полянки из окурков и свежие признаки цивилизации в виде сигаретных пачек и прочей тары.

– Куда все попрятались?

– Не совсем верное замечание. Я лишь молча пожал плечами.

– Кхе-кхе! – Кто-то слева громко покашлял с явной целью привлечь наше внимание.

И мы естественно одновременно повернулись. В саду, соседнего дома, сложив руки на ветхом, почерневшем заборчике, который чудом держался на телеграфном столбе, стоял человек с лихо надетым треухом и выдавшем виде ватнике. Яркие, голубые глаза, оттененные загорелым лицом, почти светились в изучавшем нас взгляде.

– Здорово, молодежь! Заблудились чё ли?

– Добрый день! Нам бы дух перевести.

– Дух перевести? А кто ж его из вас выбил? Старик говорил приятным, мягким голосом с чисто-русской задоринкой, продолжая внимательно нас рассматривать.

– Да вот, заплутали, маленько. Нам сказали, тут лагерь есть. А вы живете здесь? Дед задумчиво опустил глаза и будто погрузился в сон. Его густая борода живо заерзала на лице.

– Да, да! Здесь я и живу! А кто это вам сказал?

– Юрий, проводник. Вы должны его знать. Раздался голос из-под синей кепки. Дед, который при более внимательном рассмотрении уже и не казался мне таким глубоким стариком, в очередной раз сощурился.

– Есть такой. А где ж он сам? Взгляд деда проскользнул мимо нас и куда-то выше, будто он любовался цветущими деревьями, а затем снова впился в нас. Сид поднял глаза и уставился на оппонента:

– Убили его, вчера ночью. Не спрашивайте, сам не знаю кто. Зверь какой-то. Дед погладил себя по бороде и поправив ворот, махнул рукой глядя в том-же направлении, после чего

развернулся на сто восемьдесят и скрылся в доме, но через секунду вышел с другой стороны, пройдя через полуразваленную стену, и заметно ковыляя направился к нам.

– Идемте. Идемте за мной, я вас хоть чаем угощу, или супом! Хотите суп?

– Ды..... Промычал Сид, расплывшись в растерянности. Хоть в его корнях наверняка присутствовали родственники с земли обетованной, но в плане воспитания, мой товарищ никогда не становился для меня поводом для конфуза.

– Вы знаете..., спасибо, во первых, конечно! Перебил я держащего речь. – Но ежели, совершенно откровенно, то с запасами у нас проблема произошла. И горячая еда была бы сейчас весьма уместной. Пока решался вопрос с харчами, я понял, куда все время посматривал старик: из-за печной трубы дома на противоположной стороне улицы показалась фигура с оружием в руках, и осторожно подойдя к краю крыши, присев, соскользнула вниз, исчезнув за поредевшим забором.

– Это Пашка. Он тут присматривает за всем. Нам сюда. И дед указал заскорузлой рукой на расчищенное от бурьяна пространство между домами, возле выступающего, кирпичного входа в подвал, вроде того, в котором нас держали уголовники. Из-за дальнего угла дома вынырнул человек в коричневом свитере крупной вязки с большим воротом и "песочных" армейских штанах. Держа на сгибе руки ружье, он направился в сторону нашей компании. Пока позволяло сокращающееся расстояние, он, насупившись, посмотрел на нас обоих и в последний момент протянул закопченную руку.

– Павел.

– Никита.

– Леонид. Можно Сид. Крепкое рукопожатие – никогда не любил тех, кто протягивая свою пятерню, даже не пытались ее сжать вообще. Ощущение, будто хватаешься... Гм. Ну, понятно за что...

– Паша, усади гостей, я сейчас...

– Присаживайтесь! Он указал на ящики из-под молочных бутылок.

– Вот стулья, а вот стол. Стол был не менее аскетичным, чем стулья: две стопки покрывшек, накрытые дверью.

– Мы тут стараемся не оставлять явных признаков своего присутствия. Заметил он мой взгляд. – Иначе патрули зачестят. Поддев носком не зашнурованного берца, валяющееся неподалеку корыто и приподняв его, Пашка, сделав глубокий вдох и дунул в скрывавшееся под ним кострище. Вверх взметнулся столб белого пепла, от чего костровой сделал шаг назад. После повторения процедуры, оголились угли, которые тут же были накрыты небольшой охапкой хвороста.

– Разогреем сейчас. Слушай, Ник, там бочка есть, с дождевой водой, рядом половинка бензобака. Ты бы постирался, пока светло еще. Переодеться, я тебе дам во что. А то, примут с перепугу, и поминай... потом...

– Иван Кольцо прямо! – изрек Сид. Пашка, обернувшись, посмотрел на меня. – Да! И впрямь, похож! Расправив морщины на лбу, я улыбнулся. – Спасибо.

– Где ж ты, такую-то, грязищу нашел? Из подвала раздался гулкий голос, поднимающегося по ступенькам деда. Опираясь на бадик, он нес чернющий котелок, явно имевший здесь статус дежурного. Вручив ношу Пашке и взяв бадик в другую руку, он протянул мне широкую ладонь.

– Савелий Егорыч.

– Никита

– Сид. То есть Леонид. Но можно Сид.

– Дед перевел глаза на слегка разволнованного Сиды. – Я бы предложил вам расслабиться, господа, но это было бы ошибкой. Здесь не стоит этого делать. Ни того ни другого.

– А другого, это чего?

– Ни расслабляться, ни ошибаться. Проходите к столу, молодой человек и снимите головной убор. – Внезапно дед сменил грубоватый, наставнический тон, на прежний.

– Шучу, конечно. Лучше не снимайте. Здесь клещи не редкость. В отличии от больничных учреждений. А вы извольте в баню, барин. С полотенцами, правда, тоже беда, так что не обессудьте.

– Я стянул лямки и прислонил мешок к своему "стулу". Ружье было аккуратно поставлено ближе к товарищу, дабы не показывать свои опасения по поводу честности здешнего контингента. – Давай, не плескайся там особо.

– Постараюсь поскорее. И я поспешил в указанном направлении, ибо осенние вечера не шибко располагают к купанию. Согласно инструкции Пашки, в одном из дворов, действительно стояла двухсотлитровая бочка с опущенной в нее тонкостенной трубой, видимо, служившей ранее дымоходом, какой-нибудь буржуйки. Теперь эта конструкция предназначалась для сбора дождевой воды стекавшей с крыши. Рядом с бочкой лежала половинка бензобака, накрытая разошедшейся фанерой, под которой обнаружился кусок хозяйственного мыла, завернутый в лопух. Фешенебельно! Я заглянул в черную глубину бочки, в надежде рассмотреть свое отражение, но стемнело уже действительно прилично.

– Не ссы, не фонит. Сзади раздался голос Пашки, обремененного одеждой, ранее мне обещанной. Его ружье соскочило и повиснув на локте, цеплялось за все торчащие ветки и путалось в ногах.

– Сюда кладу.

– Ага, спасибо. А вы тут вообще с оружием не расстаетесь?

– Не желательно. Ускоряйся, а то, все слопают. С этими словами моя одежда в третий раз за день встретилась с водой. Покончив с развешиванием и наспех помывшись, я переоделся в вполне сносные камуфляжные штаны и тельняшку, с чьими-то, не читаемыми инициалами. Продолав путь от здешней ванной до столовой, выяснилось, что мои берцы имеют заметный "люфт", но во всяком случае, гораздо лучше соответствуют здешней обстановке. А размер – пустяк, и лечится портянками.

На столе, к тому времени, уже организовались керосиновая лампа, успевшая собрать немногочисленных насекомых и котелок, источающий вкуснейший аромат, хорошо знакомый тем, кто хоть раз выбирался на природу, на несколько суток.

Сид неспешно дымил раздобытой сигаретой, а дед, погрузившись в задумчивый транс, поглаживал бороду. Завершали обесцвеченную сумерками картину, горлопанистые сверчки, с прочей, стрекочущей живностью.

– Лучшие приправы – свежий воздух и лесные травы!

– С легким паром! Хватай орудие. Сид подвинул алюминиевую ложку.

– А Павел где? Поинтересовался я для проявления тактичности и в некоторой степени тактики, плюхаясь всей своей усталостью на ящик.

– Да ребятки! – Оживился вдруг молчаливый дед. – Приключения!

– Я тут рассказал нашу ситуацию. – Поведал Сид.

– Из подвала вынырнул Пашка. В след за ним, на поверхность показались еще двое. Громко зевая и почесывая щетинистые подбородки, оба силуэта, лениво побрели в нашу сторону.

– Поздорову, бродяги! О! Новые лица! Серега! А это рыло – Леха!

– Попрошу не обзывать. В нашу сторону протянулись две солидные лапищи.

– Сид.

– Ник.

– Так. Что тут у нас? Супец! Ух! Как пахнет, зараза! А! Дед, ну ты можешь!

Поставив ружья к торцу стола, "двое из ларца", синхронно заработали ложками, будто гребцы.

Мы дождались, пока кто-нибудь первым сунет ложку в котелок, и принялись за еду.

Я не стал проявлять любопытство и лезть с расспросами. Усталый мозг, того и гляди норовил отключиться от лавины информации и усталости. А горячая еда, надо сказать, делала свое дело, и спустя пару минут, мне значительно полегчало. Пашка достал пачку сигарет и протянул Сиду. Оба задымили. При свете зажигалки, я увидел, как начали проявляться синяки на его лице. Пощупав свое, я понял, что завтра буду похож на Винни Пуха.

Дед закрихтев, встал из-за стола и побрел к стене дома. Двое из ларца, тоже отложили свои «весла» и достав сигареты, прислонились к забору.

– Ой-ей! А что ж это я! У меня ж во фляжке осталось! Мужики, будете?

Круглолицые переглянулись. – Ну, наливай!

– Паш, ты как?

– Ну, давай немного.

– А деду бы во что? Я начал осматривать стол на предмет наличия годной тары.

– Дед не пьет. И это, мужики. Он придвинулся к нам и заговорил шепотом: – не лезьте к нему особо, с этим делом. Пашка постучал ногтем по кружке. Мы пожали плечами. Я протянул емкость Сереге, остальные разобрали свои.

Хоть поводов для тоста было достаточно, но в голову ничего не приходило. Мне хотелось просто очухаться. Леха кивнул кружкой в нашу с Сидом сторону и одним глотком опустошил содержимое. – Ух! Самогон что ли? Леха выпил и сделал глубокий вдох. – Не плохо!

– Текила. Я бросил в рот щепотку соли и опрокинул фляжку.

– Фу! Гадость какая, но спасибо! – А скажи тебе, самогон, ты бы облизнулся! – вступился за меня Леха.

– Ладно, пошли. Взяв ружья, Серега, встав из-за стола, протянул одно Лехе, и громко зевнув, побрел к насыпи. Леха, заразившись зевотой, вытянул руки в разные стороны и сладко потянулся, издавая кричащие звуки. – Ну, Адьес мучачосы!

– Паш, а куда это они?

– За светляками. Так, братва, кто вы и откуда, завтра расскажете. А пока краткий инструктаж:

ночью по деревне не шляться – либо зверье растащит, либо кто пальнет. Тем более, через сто метров фонить начинает. Стрельбище не устраивать. А если подойдут два «орла», то в разговор не вступать. Это местные воруги. Когда-нибудь возьмем за руку.

– Когда-нибудь, среди людского тлена

В обрывках жажд и похоти руин.

Я разумев обрушусь на колени,

И ринусь в бездну собственных глубин.

– Слова раздались так внезапно, что я вздрогнул. Мимо нас прошел человек в черном пыльнике с таким же мешком как у меня. Он продолжал идти, читая стихи вслух, с таким выражением и с таким видом, будто нас тут и не было.

– Это кто? Спросил я шепотом, вылупившись на Пашку.

– Каин. Он того, немного, но мужик хороший. Безобидный абсолютно. Просто привыкнуть надо. Сашка, вообще-то, но он вряд ли откликнется. Этот может несколько дней молчать, в глубь уйти, надолго, а потом, как ни в чем не бывало, заболтать о погоде. Или вот, стих рассказать.

– Когда-нибудь, среди понурой лени,

Забрезжит свет, покинув долгий плен.

Я разумев, обрушусь на колени,

Что б озаренным, снова встать с колен.

– Мы его, поначалу, Каином обозвали, и надеюсь, догадываетесь почему. Так и прижилось. Он сам на эту тему не любит разговаривать. Мучается еще. Здесь вообще особо не принято друг-друга расспрашивать. И многие из нас, пришли сюда не от хорошей жизни. Так или иначе, каждый здесь что-то ищет. Кто-то укрытия, кто-то справедливости, кто-то богатства, а кому-то, может просто не хватает свободы.

– Это удивительное место! Каин подошел к столу и я смог разглядеть его угловатое лицо с короткими светлыми волосами.

– И оно определенно не может быть плохим! Иначе просто и быть не может! Вы абсолютно правильно заметили: многие пришли сюда от плохой жизни. А разве уходят из плохого места в еще более злачное?

– А! Пришел, блудный сын! Дед поставил на стол чайник, полностью соответствующий, только что убранному котелку. Сервиз, стало быть! – Ну! Теперича и чайку сообразить можно! А ну, кружки в кучу! Мы подставили свои кружки, и до нас тут же донесся уютный аромат!

– А что это, Савелий Егорыч?

– Ааа! Запах понравился?! Шиповник, липка, малина местная, и так, кое чего! Пейте на здоровье!

– Простите, я же не представился! Каин!

– Очень приятно! Мы вновь обменялись рукопожатиями.

– А как вас раньше звали? – Пашка тут же перевел, немного укоризненный взгляд на Сиду.

– Да, вы правы, раньше, у меня было другое имя. Но я пришел сюда за другой жизнью, и это место дало мне новое имя. Но, видите ли, нельзя начать новую жизнь, не разобравшись со старой. – Пашка едва заметно улыбнулся уголком рта. А я произвел затяжной зевок.

– Что, молодежь, на бок?!

– Мы наскоро допили чай и стали собирать свои вещи. Пашка вытащил из соседнего подвала два спальных мешка и бросил к нашим ногам. – Вип ложа для гостей! За мной! Мы спустились в неглубокий подвальчик, с легким запахом сырости и керосина. Керосинка, тускло горящая на полке, едва освещала кирпичные стены с постерами девиц, бережно вырванных из модного журнала, и обрывки старой проводки, которой побрезговали мародеры. – Вещи под голову, оружие под руку. Уборная за углом и до забора. На «дальняк» – лучше терпите до утра. Сладких снов! С этими словами Пашка задернул брезентовую штору на выходе и зацепил ее петлей на пологе за гвоздь.

Выполнив указания инструктора, мы забрались в свои мешки, и моя поясница тут же заболела от расслабления. Сид, засопел почти сразу. А мой мозг, будто бы только сейчас осознал все произошедшее: что я нахожусь вдали от дома, в зоне отчуждения, лежа в каком-то подвале. Что нас чуть не убили уголовники и едва не превратили в фарш неведомые, аномальные проявления природы. А еще смерть. Но в конце череды бесконечных дум, сознание сдавалось, и я заснул. Полночи, я ворочался, постоянно просыпаясь. А когда вновь погружался в сон, то снова продолжал пытаться сбежать от страшного черного зверя, гонящегося за мной. Затем пришел покой, и я полностью провалился..

Открыв глаза в темноте, я вновь принялся вспоминать минувшие события, но уже не так лихорадочно, как минувшим утром на дереве. Спустя мгновение, я стал различать светлый проем брезентовой занавески. Сид мирно дрых рядом, зарывшись с головой в спальник. Тело тут же напомнило о вчерашних передрыгах. К тому же, наглухо заложило нос. Воздух за бортом, по ощущениям, был весьма бодрый, от чего мысль покинуть теплый спальник, была принята не сразу. Достав свой замятый свитер, я наскоро выпрыгнул из нагретого места и принялся

натягивать ботинки. И дабы хорошая мысль не приходила опосля, сунул руку в вещмешок и извлек на свет уцелевшую банку с кофе, пусть и не особенно вкусным. Одернув брезент и не переставая жмуриться, я сделал первые, неуверенные шаги по лестнице, залитой солнечными лучами. Все дурные мысли начали испаряться при виде восходящего светила на светло-голубом, едва облачном, как в советском детстве небе. В абсолютно прозрачном воздухе, искрились золотые деревья, под которыми, за столом из двери и покрышек, являя собой вековую мудрость, неторопливо курили ночные добытчики.

– О! Хорек! Доброе утро! Изрекла, расплывшись в улыбке, небритая голова Сереги, с сигаркой в зубах, хлестко подкидывая хмурому Лехе карты.

– Неба утреннего стяг...

В жизни важен первый шаг! Бесцеремонно заметил я, поливая забор в указанном месте. – И вам доброе утро!

– Неба утреннего стяг, давно остыл! Вона, под кадушкой стоит. Парировал, явно обделенный вниманием фортуны Леха.

– Угощайтесь! Я поставил жестяную банку на стол и проследовал к умывальнику, висящему на торце дома. – Благодарствуем, а то растворимая кислятина надоела. Кто это так тебя? – Да мы вчера вообще, чуть жизни не лишились! Закончив утренний моцион, я засыпал в кружки кофе и придвинув их к углям, принялся обстоятельно рассказывать о произошедшем. Через пятнадцать минут, закипающая вода заставила меня оставить ненадолго, двух, теперь весьма задумчивых людей. Оба молча переваривали полученную информацию и угрюмо почесывали небритые подбородки.

– Чего, хлопцы, носы повесили? Дед подошел с чайником и поставил его на стол.

– Самовар наш, прохудился. – Слыхал, Егорыч, новость?! Серега указал кончиком ножа в мою сторону. – Молодежь, говорит, монстры у нас тут завелись марсианские. А хлопущки сильнее стали, вон, целые автобусы мнут. Дед как обычно погладил бороду. – Ну, как говаривают, у страха глаза велики! Может лось какой, от радиации мутировал вот тебе и.. – Я ударил по столу кулаком так, что все подпрыгнули вместе с стоящей посудой, а одна ложка вывалившись, упала под стол. – Я не вру! То, что я видел, способно порвать целое стадо лосей! А автобус в часе ходьбы отсюда. Сходите, кому интересно! Что там видел Сид, я не знаю, но я ему верю! И как мне показалось, черная, опасалась кого-то в лесу. Кого может опасаться зверь, размером с медведя? Все молчали. Дед нагнулся и подняв ложку бросил ее обратно в миску. – Другого медведя...

– Чего за шум? Из подвала появился Сид, с таким же "финишем" как и у меня, но на другом глазу. – Нет, это был кто-то другой. Держи. Я передал ему закопченную кружку. – Спасибо.

– Сид втянул запах и сделал маленький глоток. – Что ты видел? Кто Юру убил? – Выждав некоторое время, спросил Дед. – На нас двинулось, что-то большое. В коридоре было пусто, но кто-то дышал совсем рядом. Юра выстрелил, и эта штука стала видна. Он ему в грудь попал, но это его не остановило. Затем, он еще раз выстрелил, и вроде попал, но этот только зашипел. Мы побежали. Дальше, я очень плохо помню. Испугался. Остановились на поляне, а эта тварь кружила вокруг нас в темноте. Юрка пальнул куда-то, видимо на звук. А потом он его схватил. Фонарик выпал. Я лишь помню, что Юрка в воздухе болтался. Я бросился к нему, а потом будто искры из глаз. Меня отбросило, и я упал. А потом Юра закричал... И кости хрустнули. Потом я бежал. – Он тебя преследовал? – Нет. Кажется, нет. Я не слышал. – Сид расстегнул жилетку и задрал рубаху. – Эх ты! Ты чего ж молчал? Сид повернулся ко мне боком, и я увидел огромную гематому на правом боку. – Сид видимо сам только увидел. – Похоже перелом! – Да нет. Я вчера проверял. Ребра целы. Вроде. Но болит не так как выглядит. – Завтра болеть будет. Заметил Леха. – Дышать больно? – Да не.. нормально. – Значит, скорее всего, целы.

Я видел в доме кучу собачьих трупов...

– А как же военные? Неужели они не в курсе происходящего здесь? Почему нет никаких сообщений от СМИ? Неужели никто не видел ни монстров, ни хлопущек, как вы их называете?

– Послушай парень, у тех, кто стоит на постах, задача простая: никого не впускать и не выпускать из зоны. Иногда они устраивают рейды по выявлению факта мародерства. То бишь, нас гоняют. Как они могут быть в курсе, сидя в своей каптерке, если даже мы об этом первый раз слышим. Мы, те, кто живет здесь практически постоянно и кормится лишь тем, что совершает постоянные вылазки в глубь периметра!

– Вопрос в другом. Что вы теперь собираетесь делать?! Серега перестал тасовать колоду и бросил ее на стол. Некоторое время, за столом царила тишина.

– И та группа, что попалась нам в лесу. Кто они? Неужели ваши их никогда не видели? Рация зашипела и я услышал искаженный, знакомый голос:

– Это Пашка, к вам Ваниль подходит. Аккуратнее.

– Зона большая! Леха выбравшись из-за стола, выглянул за угол дома. – Ааа! Душара! Че щеришься, идешь? Из-за угла донесся возглас, который я не расслышал. Вскоре на поляне показались две фигуры. Первым шел парень, лет двадцати пяти, светловолосый, среднего роста, худощавый, с узловатыми руками и нелепой стрижкой под горшок. Судя, по ослабистой физиономии, это и был Ваниль. Следом появился второй паренек. Тот был пониже ростом, чуть поплотнее и чертами лица, присущими тому же социальному типу, что и его товарищ.

– Ты чего довольный такой, бобер? Ваниль, с фраерской походкой, раскручивая в руке сумку от противогаза, бросил ее на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.